

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

**КРИМИНАЛИСТИКА
ПО ПЯТНИЦАМ**
Елена Топильская

Любимый детектив

Елена Топильская

Криминалистика по пятницам

«ВЕЧЕ»

2018

Топильская Е. В.

Криминалистика по пятницам / Е. В. Топильская — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7167-4

Большинство детективных романов известной петербургской писательницы Елены Валентиновны Топильской, в прошлом – следователя по особо важным делам, послужили основой сценария первых восьми сезонов популярного телесериала «Тайны следствия», посвященного суровым трудовым будням работников районной прокуратуры. Так, роман «Криминалистика по пятницам» – о том, как трудно расследовать дело о преступлениях, совершенных человеком без лица. Выбирая места для нападений, он пишет загадочный акростих, который уводит следователя Марию Швецову в прошлое, скрывающее страшные семейные тайны убитого мужчины. Они и помогают найти настоящего преступника. Представлены также рассказы о наиболее интересных случаях из следственной практики автора.

ISBN 978-5-4484-7167-4

© Топильская Е. В., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Криминалистика по пятницам	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Валентиновна Топильская

Криминалистика по пятницам

© Топильская Е.В., 2018

© ООО «Издательство „Вече“», 2018

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2018

Криминалистика по пятницам

Все злодеяния имеют большое фамильное сходство, и если подробности целой тысячи дел вы знаете как свои пять пальцев, странно было бы не разгадать тысячу первое.

А. Конан-Дойль. Этюд в багровых тонах

Глава 1

– Здравствуйте. А скажите, убийства с отчленением голов еще не начались?

Был чудесный солнечный день. Яркий луч, залетевший в открытое окно, весело дробился о край зеркала, выбрасывая в мой пыльный прокураторский кабинет прозрачные брызги всех цветов радуги. На улице залихватски дребезжал трамвай. В соседнем кабинете – у друга и коллеги Горчакова – еле слышно пиликала какая-то игривая песенка. (Чем он там занимается в рабочее время?) Из телефонной трубки, прижатой к моему уху, несся скрипучий голос эксперта Катушкина:

– Так нет еще убийств с отчленением голов?

Уже в который раз он, звоня мне по своим экспертным делам, начинал беседу с этого простодушного вопроса.

– Насколько я знаю, нет, – с осторожностью подбирая слова, ответила я.

– Скоро будут, – радостно пообещал Катушкин.

Он почему-то всегда звонил мне по пятницам. И после его звонков я все выходные не могла отвязаться от мыслей о расчлененках. Да, бывало; бывало, что в общественных местах, и в городе, и в области, находили части трупов разной степени разложения. Кое-что удавалось собрать, как пазл, кусочек к кусочку, и даже опознать, только чаще рука, нога или голова зависали в информационной системе, ожидая своего часа, когда к ним можно будет приложить приметы какого-нибудь пропавшего без вести. Но в последнее время таких убийств стало немного. Теперь мы то и дело выезжаем на огнестрелы: там никто не заботится о сокрытии трупа, прошитое выстрелами тело так и валяется во всей неприглядности насильственной смерти, а рядом – еще и орудие убийства брошено в россыпи стреляных гильз, любуйтесь...

Вот когда я только пришла в прокуратуру много-много лет назад (в прошлом веке), наши подследственные убивали преимущественно ножами или подручными предметами, имевшимися в хозяйстве, – утюгами, сковородками... Убийство с расчленением трупа говорило в первую очередь о тесных связях потерпевшего и преступника, о том, что злодею надо было срочно избавляться от трупа, а поскольку выносить мертвое тело целиком хлопотно, тяжело и к тому же привлекало внимание соседей, то приходила идея его выносить по частям.

Правда, пару раз попадались извращенцы, распиливавшие трупы из эстетических соображений, никаких утилитарных целей не преследуя. Был один урод, который отпилил у несчастной, убиенной им жертвы голову, прочие останки вынес на помойку, а голову пристроил на телевизор и несколько вечеров любовался ею, пока по кровавому следу с помойки не пришла милиция. По-моему, его в итоге признали невменяемым, во всяком случае, это было бы логично. Дело расследовал Горчаков, и, судя по тому, что я не помню, чтобы Лешка проводил какие-то следственные действия с арестованным, тот, очевидно, сразу после ареста отбыл в психушку, где и остался...

Тьфу! Я помотала головой, отгоняя воспоминания. В трубке уже гудело «пи-и, пи-и»; за стенкой явственно зашевелился Горчаков, и буквально через пару секунд в дверь просунулась его косматая башка.

– Катушкин звонил? – прозорливо спросила башка. – Тогда давай чайку попьем.

Он протащился в мой кабинет целиком и плюхнулся на стул для свидетелей. «Попьем, Маша, чайку» – это значит, Маше идти в туалет за водой, включать чайник, заваривать и разливать по чашкам. А потом еще и посуду мыть.

– Какого чайку? – вяло попыталась я отбиться. – Через час домой идти. Ты никого не вызывал?

Горчаков помотал головой.

– И я тоже. Дома тебя Ленка чаем угостит.

Вот за что люблю Горчакова – его всегда просто уговорить. Он не вязкий. И доверчивый. Верит, что его Ленка сутки напролет караулит в прихожей с котелком щей и пирогами наготове для него, проглота. Впрочем, раз Лене Горчаковой удастся удерживать его в убеждении, что так оно и есть, уже целых... дай бог памяти, лет двадцать... Значит, ему можно только позавидовать.

– Ладно, – легко ответил он и потянулся. – Пусть Ленка поит. И кормит. Катушкин, значит, звонил? – повторил он. – Странный он мужик.

– Странный, – согласилась я. – Он мне, знаешь, что говорит всегда при встрече? «Вы, Мария Сергеевна, так хорошо выглядите, потому что все время общаетесь с хищниками, субъектами насильственных преступлений, вот и подпитываетесь от них энергией, как паучиха – комариным соком». Представляешь?

Горчаков слегка упорядочил свою расслабленную позу и с интересом стал меня рассматривать, ища признаки то ли паучьей кровожадности, то ли комариного сока на устах. То ли просто критически осмысливал заявление Катушкина про то, что я хорошо выгляжу.

– Неслабый комплиментик, – наконец сказал он. – С него станется. Я вообще, когда его в первый раз увидел, не понял – он эксперт или сам псих ненормальный. Говорят, это заразно. Врачи в психушках в конце концов получают те же диагнозы.

Да, эксперт-психолог Катушкин, специалист в редкой области криминальной гомицидологии (термин, им самим изобретенный), на неподготовленных людей производил неоднозначное впечатление. Довольно сильное. Еще бы: грубое, с резкими чертами лицо, черный ежик коротких волос и такие же черные и жесткие усы; неожиданно хитрые, глубоко посаженные глазки, бегающие так, словно он сам – излюбленный персонаж Ломброзо; неприятный, скрипучий голос, изрекающий парадоксальные, на грани допустимого, вещи, или даже, на слух непосвященного, откровенный бред... Да еще этот его говорок, то спотыкающийся на глухих согласных, то катящийся торопливым горошком, совершенно не характерный для ученого мужа. Эпатирующий гардероб: замшевые потертые куртки – и галстуки-бабочки, всякий раз неприличного цвета. Плюс массивная трость, то ли для форсу, то ли для самообороны.

Странный тип, малоприятный.

– Но при этом гений, – задумчиво сказала я вслух.

И Лешка согласно кивнул.

– Гений. Кто же спорит. Помнишь мою расчлененку? Пасюкевич, на телевизор голову от трупа поставил? Я тогда не мог обвинилку начать, не понимал, как подступиться. А Катушкин мне все так разложил по полочкам в своем заключении, все так понятно сразу стало, у меня этот Пасюкевич так красиво нарисовался.

– А он разве был вменяемым? – удивилась я.

Лешка махнул рукой.

– А! Судебная психиатрия – такая же наука, как и все остальные. «Чего изволите». Признали вменяемым, чтобы расстрелять его могли. А к суду – раз! И мораторий грянул. Так что скоро выйдет, упырь.

Мы помолчали. Я подумала, что и мне Катушкин помогал неоднократно разобраться в мотивах преступлений, словно подсвечивая потаенные побуждения злодеев, скрытые не только

от мира, но даже и от них самих. Зато не от эксперта Катушкина. Вот, например, у меня был такой подследственный, старый рецидивист, семь ходок по тяжким преступлениям. Освободившись в очередной раз, устроился на завод, через пару месяцев выкинут был оттуда за длительный прогул и с тех пор свободно шляется по пьяным компаниям. И в каждой компании после его ухода находили труп. Причем все убитые даже не скандалили перед смертью с моим фигурантом, наоборот, раньше всех отрубались и тихо засыпали где-то в уголке. Он их всех убивал спящими.

И хотя доказать его вину в убийствах не составило труда – и свидетельских показаний, и экспертных заключений в деле хватало с избытком, у меня, как и у Лешки с его расчленителем-Пасюкевичем, не получалось обвинительное. Не хватало самого важного: мотива. От отчаяния я углубилась в исследование личностей потерпевших; а вдруг они все были «петухами», и старый зек, осознав, что пил в одной компании с опущенными, мочил их по зековской традиции? Нет. Никто из погибших при жизни даже судим не был и в противоестественных половых связях не замечен. Ревность какая-нибудь исключалась по причине отсутствия у зека дамы сердца, пусть и временной, на одну пьянку, да и по причине отсутствия интереса к дамам у потерпевших (вернее, не так: по причине отсутствия интереса к сексу). Краж в компаниях перед убийством не случалось, и последний стакан никто из жертв не крысил. И даже мало-мальски оскорбительных высказываний в чей-то адрес эти убогие не допускали. Они просто насасывались бормотухой, как клопы, а потом валились по углам в пьяном бесчувствии. И во сне получали зверские удары топором, чугунной болванкой, утюгом, кроившие им черепа, словно скорлупки грецких орехов. С чего бы? Ведь, по заключению психиатров, здоров был мой фигурант, если можно душевным здоровьем называть привычку к жестоким убийствам.

Так я ломала себе голову до тех пор, пока добрый друг и коллега Горчаков не кинул здравую мысль. Психиатрию получила? Вменяем? Тогда назначь своему злодею, сказал он, психологическую экспертизу и поручи ее душе Катушкину. Я назначила. Пришел душа Катушкин и принес мне заключение экспертизы, которое оказалось замечательной подкладочкой под описательную часть обвинительного заключения. С большим воодушевлением я настрочила, что мой Икс, «будучи epileptoидной личностью, что проявлялось в атипичном течении алкогольного опьянения – вспышках, по малозначительному поводу, неприязни и злобы, которые он распространял на окружающих» и т. д., и вот на эту подкладочку непринужденно положила фабулы всех преступных деяний обвиняемого. А на словах Катушкин объяснил мне мотив злодея кратко, но емко:

– Зачем убивал? Пьяных не любит.

Что интересно, когда я в тюрьме знакомила своего подследственного с заключением этой самой экспертизы, и он, долго и вдумчиво зависая над каждой страницей, в конце концов попросил разъяснений непонятных терминов, я воспользовалась формулой самого автора заключения: мол, пьяных не любите. И вдруг этот заматерелый, засиженный субъект, вину свою так и не признавший, несмотря на убедительнейшие доказательства, просипел мне, не для протокола, естественно:

– Точно. Пьяных не люблю. Вот эти все, – он пренебрежительно поворошил подшитое дело, услужливо раскрывшееся поочередно на всех фототаблицах со снимками с мест происшествий, со всеми кровавыми подробностями, – вот эти все, они ж не люди, прости господи.

– А кто? – удивилась я.

– Кто-кто... Не люди они, а непути. Я непутей валил, а никак не людей, понятно? Нажрутса и повалятся...

– Вы же сами с ними пили, – возразила я, но клиент мой гнул свое:

– Я своими ногами оттуда уходил. Понятно? Хоть и пил, а меру знал. А эти... Тьфу! Быдлом даже не назвать, много чести. А я – санитар. Землю чистил. А вы вместо спасибо меня опять на нары положили.

Он закашлялся, сипло и надсадно. Я познакомила его с материалами дела в туберкулезном отделении, «на больничке», как выражаются в следственном изоляторе; местный доктор мне сказал, что до суда клиент еще доживет, а там – неизвестно...

Ну вот откуда, скажите, Катушкин знал про то, что этот мой засиженный персонаж не любит пьяных и мнит себя санитаром, очищающим социум от непутей, пьяный сон которых будил в нем праведное негодование? До этого нашего последнего разговора в туберкулезном отделении больнички обвиняемый не признавал ни одного эпизода и, соответственно, не давал показаний ни о каких мотивах. Ну откуда?!

Мы с Лешкой еще посплетничали про загадочную личность эксперта Катушкина, и тут у друга и коллеги в кармане затрезвонил мобильник. Судя по приторной мелодии, звонила младшая дочка. Лешка вытащил мобильник, с достоинством ответил: «Але!», и его лицо тут же приобрело выражение характерной беспомощности нежного отца, от которого вдруг требуется жесткий воспитательный ход. К счастью для его родительской репутации, доченька не видела его беспомощной рожи и воспринимала по телефону только суровый папин голос, маскирующий истинные горчаковские чувства, зато я наблюдала в красках весь этот педагогический коктейль.

– Ну? – повторил он в трубку три раза подряд, с перерывами на выслушивание каких-то страстных речей своего обожаемого отпрыска.

– Нет, Катя. Я сказал, нет. Нет, на вручение аттестатов сходи, пожалуйста. А на выпускной тебе дорога заказана. Мы ведь уже говорили об этом, к чему твои слезы?

Трамвай под окном прокуратуры прогремел по рельсам и уехал, птичка на соседнем дереве взяла тайм-аут, чтобы прочистить горло, и в наступившей тишине я слышала сбивчивые причитания младшенькой Горчаковой на том конце телефонной связи.

– Ну папа, ну папочка! Ну мне надо сходить на выпускной! Там же будут все мои одноклассники, я же их всех больше не увижу, мне же попроситься со всеми надо! Ну как ты не понимаешь?!

– Я все понимаю, – ответил папа. – Попрощаешься на вручении аттестатов. Все, я сказал. Все.

– Ну па-апа! – зарыдал голосок Кати. – А-а-а!

– Все. Дома поговорим, – сказал этот деспот в трубку и отключился.

– Ну ты даешь! – недобро восхитилась я. – Как это можно, девочку лишить выпускного?! Если ты не помнишь, он бывает один раз в жизни.

– А что делать, – лицемерно вздохнул папаша-Горчаков. – Сам не хочу.

– Что ты зверствуешь-то, садист? Хочешь, чтобы тебя родная дочь возненавидела?

– Ну это ты загнула, – испугался Горчаков.

– Отнюдь. Представь, что это тебе запретили выпускной. Хорошо тебе? Все пошли, весь класс веселится. А ты дома сидишь. Так и до суицида недалеко, не дай бог, конечно.

– Да ты что?! Какой суицид?!

– Вот такой. Наверняка ребенок возлагал надежды на этот вечер. Может, ей мальчик должен объясниться. Или она мальчику.

– Вот только мальчиков нам не хватало! – буркнул Горчаков. – Ну ладно, ладно. Она сама виновата. Не училась ни хрена. Отправили ее на подготовительные курсы, так половину прогуляла, паразитка. А денег это стоило немалых. В аттестате одни тройки. Какой ей, к черту, выпускной?

– Все равно. Сатрап.

– Ну ладно, – примирительно повторил Горчаков. Видно было, что он уже раскаялся в своем педагогическом экстремизме. – В конце концов, выпускной вечер в семь. Еще два с половиной часа, я могу и передумать.

– А непоследовательность еще хуже. И вообще, ей же надо подготовиться. Платье, прическа, косметика, маникюр, то-сё. А если ты ей за полчаса до праздника даруешь отпущение грехов, еще хуже будет. Ребенок почувствует себя ущербным.

– Правда, что ли? – Наверняка такие тонкости, как то, что юная девица не может за три минуты собраться на выпускной бал, Лешкину косматую башку не посещали. Типа, а чего там собираться? Штаны натянул, в башмаки влез, пятерней волосья пригладил – и вперед, вот как, без сомнения, мыслил этот мужчина в полном расцвете сил (и столь же деликатный, как Карлсон).

– Блин, что же делать? – озадачился Лешка. – Надо срочно придумать другое наказание. Давай, великий педагог, предлагай.

– Предлагаю отпустить девчонку на бал, а наказание придумать позже. В конце концов, не всем же быть умными. Женщине так это просто противопоказано. Пусть лучше учится готовить.

Горчаков хмыкнул. Я, можно сказать, плюнула в душу этому честолюбивому отцу, который растил дочь ни больше ни меньше как для экономического факультета универа. Видимо, рассчитывая, что когда-нибудь деточка-банкирша обеспечит его старость. Ха! Надо сказать ему, что, если он ее сегодня не пустит на бал, плакала его обеспеченная старость, сдохнет под забором.

Я заставила Горчакова позвонить жене, и Ленка, сама уже почти бившаяся в истерике по поводу мужнина решения о запрете выпускного, прямо-таки возродилась к жизни и помчалась собирать деточку на праздник. Я, правда, успела выхватить трубку и разузнать, какого цвета и фасона будет платье. Ленка горестно вздохнула:

– Какого цвета платье? Даже говорить стыдно!

– В каком смысле? – удивилась я.

– Ну вот как ты себе представляешь выпускной наряд?

– Ну... Что-нибудь нежненькое...

– Вот именно, – усмехнулась Лена. – Нежнее некуда. Платьице у нас – нежно-черного цвета. Я уже ничего в этой жизни не понимаю...

Еще были жалобы на то, что платье слишком открытое. «Я ей говорю: так хорошо для девочки отложной воротничок! Так она фыркнула и даже слушать не стала»...

– Горчаков, а вы-то с Ленкой не идете, что ли, на вручение аттестатов? – спросила я Лешку, повесив трубку.

– Думаешь, надо? – потянулся Горчаков.

– Надо, надо. Девочке приятно будет.

Горчаков глянул на часы.

– Вот именно, – подтвердила я. – Собирайся, заодно меня до метро докинешь.

По дороге мы с Горчаковым безрадостно обсуждали молодое поколение. И мне, и ему было что сказать друг другу. Тонкость заключалась в том, что он как отец двух дочерей был уверен: девочки рождены на этот свет, чтобы создавать проблемы родителям, учителям, а впоследствии – мужьям и детям, в то время как пацаны являются неиссякаемым источником радости и гордости для предков. Я же, имеющая долговязого, неуправляемого отпрыска мужского пола, тихо завидовала Ленке Горчаковой, для которой краугольным камнем конфликта отцов и детей выступала тема отложного воротничка. Мне бы, господи Горчаковы, ваши проблемы...

Потом мы посмеялись, вспомнив, как Горчаков в прошлом году по весне примчался к нам в полночь с вопросом, не слишком ли он обременит нашу семью своим обществом до четырех утра, поскольку впервые отвез младшую девочку на ночную дискотеку, в клуб по соседству с нашим домом, и должен быть рядом на случай возникновения нештатной ситуации. Он обещал никоим образом не нарушить наш покой, и если мы не захотим составить ему компанию, готов был бесшумно пить кофе, затаившись на кухне, или прикорнуть на коврике у

двери, ожидая телефонного сигнала подать карету к подъезду клуба. Излишне говорить, что вся местная милиция была заранее проинструктирована на предмет обеспечения безопасного веселья малолеток в данном клубе, а также предупрежден на всякий случай дежурный прокурор. Допускаю, что и армия, и флот тоже не дремали, а пребывали в состоянии боевой готовности.

Кроме того, представители организованной преступности, каковые имели несчастье проходить по уголовным делам, находившимся на тот момент в производстве старшего следователя Горчакова, торжественно присягнули, что в эту святую ночь не будут предприняты никакие разборки в радиусе нескольких километров вокруг клуба, и на этой неприкосновенной территории вводится кратковременный мораторий на применение огнестрельного оружия.

Естественно, мы не бросили Горчакова в трудную минуту и до четырех утра морально поддерживали его, рассказывая всякие благодные фантазии о нравах подобных ночных заведений и подливая коньячок. Не знаю, как провела время дочка, а вот трепетный папаша наклюкался не хуже какого-нибудь малолетки, впервые спущенного со строгого ошейника. В общем, ему эта ночь доставила удовольствие. Моему мужу потом пришлось садиться за руль Лешкиной машины и везти разгульную семейку до дому, а я осталась мыть посуду...

Возле метро мы прервали воспоминания, попрощались, и я побрела в монотонном людском потоке в подземку, радуясь возможности идти неспешно и разглядывать творящуюся вокруг жизнь, а не нестись сломя голову, падая с высоких каблуков, расстаться с которыми я отказывалась даже в далекие смутные годы, когда машина для следователя была недостижимой роскошью и пешком добираться до места происшествия, где бы оно ни располагалось, было в порядке вещей, и не вызывало никакого внутреннего протеста. Редко, правда, удается покрутить головой вокруг. Мне кажется, что я всю жизнь, сколько себя помню, все куда-то несусь. Наверное, когда остановлюсь, лягу на диван – то тут же и помру.

Грохот подъезжающего поезда заглушил мои рефлексии; теплая толпа внесла меня в вагон, мимо поскакали фонари туннелей, потом жужжащие, как улей, станции, и вот я уже направлялась к эскалатору, чтобы выбраться на поверхность, по пути глаза на выставленную в торговых лавках белиберду, как вдруг обнаружила, что в недрах моего ридикюля «бормочет» мобильник.

Вытащив его из сумки в надежде, что это не прокурор и не дежурный по РУВД требуют моего возвращения на работу, я все-таки по привычке ответила на звонок слабым голосом, который ненавидит мой муж, утверждая, что у него от этого голоса сразу начинается тахикардия: ему кажется, что я вот только удобно улеглась в гробу и приготовилась захлопнуть крышку, а тут вдруг какая-то собака звонит и отвлекает от высокого. Что ж, да, этот мой голос специально был призван дать понять звонящему, что звонок его неуместен.

– Да, – простонала я в трубку с той самой интонацией. И тут же воспряла духом, услышав на том конце старого друга Андрея Синцова. Он, конечно, тоже иногда может позвонить, чтобы потребовать все бросить, к примеру, и немедленно поучаствовать в допросе страшного маньяка, который не иначе как вечером в пятницу твердо решил покаяться ровно в ста двадцати кровавых преступлениях... Но ради Синцова я, уж так и быть, наплюю даже на священный вечер пятницы.

Однако усталый и больной голос Андрея не предвещал никаких расколовшихся маньяков. Ему просто было плохо, одиноко, и он хотел где-то отогреться душой.

– Ты где? – спросила я.

Выяснив, что он крутится на машине практически возле нашего дома, я предложила подрулить к станции метро, чтобы забрать меня. И сразу после этого позвонила Сашке – узнать, есть ли у нас в холодильнике что-нибудь, что можно бросить на сковородку или в духовку с целью утешить голодного опера. Доктор Стеценко, за время жизни со мной приобретший богатый опыт утешения голодных оперов в любое время суток, бодро отрапортовал, что в то время

как некоторые занимаются ерундой, прогрессивная часть общества в его лице уже накрыла на стол, и пусть приходят десять тысяч Синцовых, он не ударит в грязь лицом.

В который раз порадовавшись, что судьба послала мне доктора Стеценко – мужа на все руки, я выползла из метро и сразу увидела пыльную машину Синцова, на вид такую же усталую, как и он сам. Вообще-то, я давно заметила, что, подобно старым супругам и старым собакам, старые машины приобретают черты своих хозяев, а хозяева, в свою очередь, одушевляют их и относятся как к родственникам, давая человеческие имена и называя поломки болячками.

Синцов, протянув руку через сиденье, открыл передо мной дверцу, я села и вытянула ноги. Хорошо в машине! Рассчитывать на то, что удастся посидеть в метро, я могу, если только запрыгиваю в вагон на конечной станции. К сожалению, я уже не так молода, чтобы мне уступали место как возможному объекту ухаживаний, и, к счастью, не так стара, чтобы меня старались усадить из жалости. А стоять на каблуках не сладко...

– Ну, что опять приключилось? – спросила я Синцова.

Он громко вздохнул. Так, что захотелось погладить его по голове. Я вспомнила, что пару лет назад у него был микроинфаркт, в прошлом году он лечился от гастрита, причем подозревали язву желудка, а не так давно его скрутил жесточайший радикулит, и он сидел на рабочем месте, обмотавшись теплым платком.

– Уйду я, к черту, в охранные структуры, – тихо и бессильно сказал он в пространство.

Я поначалу пропустила это заявление мимо ушей. Куда же он уйдет от своей любимой работы, интересно знать, куда денется? Так постаревшие и оплывшие жены в уютных халатах, помешивая суп, ворчат себе под нос – «уйду, мол, от вас к чертовой бабушке, от иждивенцев, подтирай тут за вами, убирай, а благодарности никакой»... И, конечно, никуда не уйдут, потому что привыкли к постылым бездельникам, пачкающим полы и тарелки, и потому что не нужны уже никому со своими ногами-тумбами в венозных сеточках, с протертыми на локтях байковыми халатами. Какие там охранные структуры! Нужен он там... Но, посмотрев на Андрея, заметив и мешки под глазами, и поседевшие волосы и, главное, почувствовав безысходность, которая, словно облако, дымилась вокруг него, я не на шутку встревожилась.

– Никому это не нужно, – тем же тоном продолжал Синцов.

– Что не нужно?

– Ничего. Ничего никому не нужно. Понимаешь. – Больше всего меня беспокоило отсутствие эмоций в его голосе. – Никому не нужно, чтобы я их ловил. Они ведь все у меня признавались...

Я знала, все было именно так. Андрей не только вычислял маньяков, что само по себе не удивляло, это все-таки было его работой; он их задерживал, что, впрочем, тоже не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Но вот то, что все они начинали признаваться... И не из страха перед пытками, а искренне желая рассказать оперуполномоченному Синцову о своих делах, поскольку ему это было интересно, тут уж маньяков не обманешь. Победные интервью прессе давали другие, а Андрюха в тишине своего обшарпанного кабинета выстраивал схемы, как подобраться к очередному душегубу, а потом вел с задержанным тонкую оперативную игру, находя такие слова и такие интонации, что душегуб припадал к его груди и фонтанировал, только записывай. Я слышала, что вот совсем недавно Синцов каким-то непостижимым образом нашел и сцапал типа, который в одном из спальных районов убивал девочек-подростков, выкусывая потом из их детских тел куски.

– А твой последний? – спросила я нарочно, имея в виду как раз этого каннибала, чтобы направить беседу в позитивное русло. Пусть вспомнит о своих успехах и ощутит если не гордость, то хотя бы удовлетворение. Но Синцов вдруг пригорюнился еще больше.

– Какой «последний»? – горько спросил он, и я поняла, что про свои успехи он уже забыл, потому что на повестке – новый маньяк, и в мыслях Андрей уже идет по очередному кровавому

следу. Не бывает последних, одного поймают, и тут же проявляется следующий, и конца этой череде не видно.

– Который девочек кусал.

– А-а... Да я про него забыл уже. Тем более что у меня его забрали.

– Как – забрали? – не поняла я. Забирать у Синцова его подопечных, пока те не выскребли из глубин своей памяти все совершенные ими деяния, вплоть до безбилетного проезда в школьные годы, было невероятной глупостью. Кто еще мог выщедить до донышка их тухлые мозги, кроме Андрея? Стоило ему прихватить очередного маньяка, как в городе поднимался добрый десяток старых безнадежных дел по всем районам, опера и следователи радостно выковыривали из глубин сейфов застарелые «корочки» и сбрасывали их Синцову, который примерял на своего подопечного и облизывал каждый случай, лепил из загубленного эпизода конфетку и в лучшем виде сдавал следователю. Тому оставалось допросить злодея с адвокатом и закрепить его показания на уличной операции, да, может быть, опознание провести, если было кому гада предьявлять. Обычно следователи радовались...

– Следак сказал, хорош ему лишние эпизоды навешивать, и так работы много, – словно в продолжение моих мыслей, проговорил Синцов.

– Как это?! – Я не поверила своим ушам.

– Так. И очень даже просто.

– Надо было его руководству пожаловаться, пусть бы ему выписали по первое число...

Синцов горько усмехнулся.

– Руководству! Ха! Он сам первый пошел к руководству и наябедничал, что и так уже в деле четыре эпизода, и если нерадивый опер Синцов будет продолжать жевать мочалу...

– Андрей, ты шутишь? – Я все еще отказывалась верить в услышанное, надеялась, что Синцов утрирует, так как им владеет обида. – Не мог он так сказать! Что значит «мочалу жевать»? Да если можно реально «глухие» дела поднять...

– Представь себе. Какой ему интерес в чужих делах прошлых лет? У него выход горит в этом месяце. В общем, пошел и настучал: если Синцову по ручкам не дадите, чтобы перестал колоть мерзавца, дело в этом месяце в суд не сдам.

– Андрей, ты прикалываешься, что ли? Ну, сдал бы он через пару месяцев, что, от него убудет, что ли?

Синцов посмотрел на меня жалостливо, хотел что-то сказать, но сдержался. И сказал совсем другое:

– Эх, Машка, Машка! Отсталый ты человек! Его руководство позвонило моему руководству, и мне же еще и навешали, что, мол, я волокиту развожу, есть доказательства на известные эпизоды – и вперед: уличная, обвинение, в суд. А он мне, упырь, в смысле, еще про Мурманск собирался рассказать.

– Ну, сходи к нему в тюрьму, пусть расскажет.

– Вот я и говорю, отсталый ты человек. Следак бумажку в «Кресты» зафигачил, чтобы меня к его клиенту не допускали.

– Даже так...

– Вот я и говорю: охранные структуры, – грустно подытожил Синцов.

– Андрюша... – Я не представляла, что ему сказать. Когда жена от него ушла, знала, и когда он неудачно объяснился мне в любви, знала, и когда инфаркт его шваркнул, как-то утешала, а тут... Ну что тут скажешь?

– Поехали быстрее, – сказала я вместо утешения. – Там у Стеценко что-то стынет вкусное.

– Подожди. – Он даже придержал меня за руку, хотя я и так рассчитывала доехать на его машине, а не бежать пешком. – Это еще не все.

– Господи. Еще-то что? – Я бы не удивилась, узнав, что его увольняют за слишком хорошую работу и высокие показатели.

Он вдохнул так, словно собирался нырять на спор: кто дольше. Переспросил:

– Что еще? – И голос у него зазвенел. Я не на шутку перепугалась, вдруг его опять долбанет инфаркт, тьфу-тьфу-тьфу, и что я буду делать?! Даже доктора Стеценко рядом нету, надо скорей тащить Синцова к нам домой, там хоть будет кому оказать ему первую помощь, если что.

– Еще вот... В общем... – Складывалось впечатление, что ему не хватает воздуха. Ну точно, допрыгается до инфаркта! – Маша, ты не поверишь!

– Ну что, Андрей? Не томи. Кто тебя еще обидел?

Он взглянул на меня затравленно.

– Сейчас в городе новая серия. Ты знала?

– Откуда? Если по нашему району эпизодов нет...

Он покачал головой:

– По вашему – нет.

– А что за серия?

– О-о! Давно такого не было.

У меня в груди екнуло: почему-то я решила, что сбылись мрачные пророчества Катущкина и Синцов сейчас расскажет мне про серию убийств с отчленением голов. Но Синцов заговорил про другое.

– ...Парень входит за девчонками в квартиру, причем следит, чтобы она сама дверь открыла...

– «На плечах»? – уточнила я.

Это значило, что преступник следит за жертвой и ждет, пока та откроет дверь своим ключом, а потом резко подбегает к ней и буквально вносит вместе с собой в квартиру, – что называется, попадает в дом прямо на плечах жертвы, как хищник в броске на антилопу. Расчет понятен: если жертва открывает дверь сама, значит, она дома будет одна. А если звонит, понятное дело, кто-то дома есть, значит – отбой.

– Э-э, нет! Просто выслеживает. Потом звонит в квартиру, спрашивает: здесь живут Николаевы? Нет? А где? Дурочки открывают, чтобы растолковать, мол, спросите напротив...

– Понятно, – кивнула я. – Тут он влетает...

– Ни фигя подобного, – ухмыльнулся Синцов. – Культурно так входит, мол, можно тогда этим самым Николаевым записочку написать? И ведь пишет, а потом попить просит...

– Сколько случаев? – деловито уточнила я. Он, растопырив лапу, показал на пальцах – четыре.

– И каждый раз – про Николаевых? И каждый раз из четырех – записку пишет?

– Вот именно. Пишет, потом – попить, дурехи ему приносят, потому как хорошо воспитаны...

– Господи. А элементарных правил безопасного поведения им никто не разъяснял? – ужаснулась я. У меня аж в груди заныло от такой безалаберности родителей. – Ну как так можно?! – застонала я, даже не дослушав про маньяка. – С пеленок надо в голову вбить: незнакомым не открывать, особенно если ты одна в квартире, в дом не пускать, на провокации не поддаваться. Воспитание – воспитанием, а соображать-то надо... Вон, моему верзиле в школе преподавали такой предмет: «Основы безопасности жизни».

– Эх, Машка! Ты будешь смеяться, но я такой же ликбез пытался провести. Так одна из девочек мне тетрадку принесла...

– Подожди, – перебила я его, – они живые?!

– Слава богу. Сейчас расскажу тебе. Так вот, одна из потерпевших на мои воспитательные речи принесла мне тетрадку школьную, как раз по этим самым основам безопасности. Знаешь,

что там было написано? Черным по белому, со слов учителя: если к вам на улице подойдет незнакомый человек и скажет, что ему плохо, и попросит проводить его до дома или больницы, вы должны обязательно помочь ему и проводить, куда он скажет. А девочка, между прочим, отличница. Привыкла старших слушаться. И педагогов безмозглых, и коварных маньяков.

Слушая, я даже не заметила, как непроизвольно сжала кулак. Синцов покосился на кулак, накрыл его своей ладонью и осторожно разжал мою руку.

– В общем, дальше начинается самое интересное. Знаешь, что он делает после долгого задушевного общения лицом к лицу?

– Догадываюсь, – пробурчала я.

– Отнюдь. Потом он достает нож.

– Логично.

– Приказывает девчонке повернуться спиной...

– В общем, тоже логично.

– А вот дальше нелогично. Дальше он ей глаза завязывает.

– Оп-па! С целью?

Синцов пожал плечами.

– Ну... В общем, дальше, ты уже поняла, начинается сексуальное насилие. Но такое... – Синцов помялся. – Извращенное. Полового акта как такового он не совершает, то, что он делает, укладывается в «насильственные действия сексуального характера». Раздевает девочку, ложится на нее, возится на ней и кончает.

– То есть сперма есть? Уже хорошо.

– Ну... Может быть, и хорошо. Зачем глаза завязывать?

– Андрюша, от тебя ли я это слышу? – Я была удивлена. – Ты же сам сталкивался много раз... Мало ли что у него там, под штанами? Тем более ты говоришь, он полового акта не совершает. Может, он кастрат или импотент...

– Импотенты кончить не могут, – возразил Синцов, краснея, как подросток. Боже, я не думала, что он такой целомудренный.

– Ну, не импотент. Может, у него пенис маленький или уродливый. Или все нормально, но он уже успел где-то заработать комплекс на тему своих ущербностей и теперь боится кому-то показывать гениталии. Да что я тебе объясняю, ты уже наверняка все эти варианты обмусолил, а?

– Ну естественно, – признал Синцов. – Блин, значит, лицо свое он не боится показывать, а пенис боится?

– Ты сам знаешь, что это бывает сплошь и рядом. Молодой?

– Лет двадцать пять – тридцать, блондин, хорош собою.

– И такой стеснительный? Андрюшка, – решительно сказала я. – Раскроешь ты эту серию. А сейчас поехали, а то я в обморок упаду от голода. Тем более что доктор мой там наворотил каких-то изысков. А дома, за едой, ты все подробненько расскажешь.

Синцов согласно кивнул и даже уже взялся за ручку переключения передач, но отпустил ее и снова вздохнул так, что сердце защемило.

– Знаешь, что самое ужасное?

– Ну? – нетерпеливо спросила я. Мне самой было безумно интересно, какие там еще детали в серии. За что можно зацепиться, как это все раскрутить, что общего между жертвами, в общем, любые подробности. Но хотелось выслушать все это в нормальной домашней обстановке, за столом, в компании Сашки, который тоже мог бы что-нибудь толковое насоветовать. И какой смысл мне все это слушать сейчас, чтобы потом повторять в присутствии мужа?

– Самое ужасное то, что во вторник в секс-шоп на Восстания позвонил некий господин, который спросил, нет ли у них в продаже каких-нибудь приспособлений, чтобы не насиловать малолетних. Продавщица, дай ей бог жениха хорошего, сообразила ответить, что сейчас нет,

но в пятницу ожидается поступление товара, а сама быстренько отзвонилась в РУВД, на территории которого они торгуют. Правда, сначала в ОБЭП¹ позвонила, просто знала их телефон, а они уже ее замкнули на убойщиков.

– Ух ты! – у меня захватило дух. Боже мой, какая везуха! То, что опера из отдела по борьбе с экономическими преступлениями переадресовали продавщицу в убойный отдел, а не просто в уголовный розыск, в принципе, грамотно: отдел уголовного розыска по раскрытию умышленных убийств занимается и другими тяжкими преступлениями, в том числе и сексуальными. Вот убойщикам подфартило! Всего-то от них и требовалось выставить в пятницу засаду в магазине, хорошо бы еще с видео, чтобы зафиксировать всех покупателей, на всякий случай; дожидаться звонившего, проинструктировав продавщицу, чтобы каждого спрашивала – это, мол, не вы звонили во вторник?... А дальше – дело техники. Если он действительно придет за спасительным товаром и его возьмут, Синцов его разломит, как фисташку. Тем более что и время есть подготовиться, аж со вторника до пятницы, да о таком только мечтать! Все это я даже не успела выговорить, как Андрей осадил меня:

– А вот и не «ух ты!», никакого совсем не «ух ты». Небось ты думаешь, что времени был вагон, можно даже видео в секс-шоп воткнуть, не то что пару-тройку оперов, да?

– Естественно, – кивнула я, хотя уверенности в том, что все так здорово складывается, у меня уже поубавилось.

– Ха-ха! – утробно хохотнул Андрей. – Времени-то был вагон, да! А знаешь, на что его районные убойщики использовали? Поначалу битый день выясняли, нет ли какой серии в городе.

– Ну?

– Выяснили, что есть. А я как раз занимался этим зубастиком, Гороженко, меня даже к телефону не позвали.

– Ну? – Он после каждой фразы замолкал так надолго, что приходилось его пинать. – Ну, Андрюша?

– Баранки гну. Со вторника до пятницы они, блин, вопрос решали, кому ехать в секс-шоп, району или главку, между собой базарили, разные доводы приводили. Район блял, мол, раз серия, значит, ехать должен главк, у них «корочки» по эпизодам серии...

– Ну?

– Что – ну? А главк им отвечал, что, мол, еще неизвестно, в серию ли этот звонивший, может, он вообще левый человек, еще ничего не совершивший, а профилактика преступления – задача районного подразделения...

– Ну? И что в итоге? – Я, честно говоря, сгоряча представила, что битва шла как раз за право сесть в засаду в секс-шопе: не говоря о том, что есть шанс без долгих муторных разработок повязать серийного злодея, наконец, это просто прикольно, в таком-то месте! Оказывается, современными рыцарями уголовного розыска оспаривалась честь тихо сидеть в кабинете и плевать на то, что где-то бродит маньяк.

– Что?! В итоге... не поехал никто. – Мне показалось, что он даже всхлипнул, говоря об этом.

У меня по телу побежали мурашки. Никто не поехал? Никто не поехал?! Я машинально глянула на часы.

– Андрей, может, еще не поздно? Еще шести нет. Хочешь, мы с тобой сейчас туда метнемся? Ну хочешь, будем сидеть там столько, сколько нужно?...

Он помотал головой.

– Поздно, Маша. Он уже был там. Я только что оттуда, продавщица сказала, приходил, полчаса как ушел.

---

¹ Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

Глава 2

Моему многострадальному мужу пришлось успокаивать не только Синцова, но и меня тоже. Если уж даже я никак не могла прийти в себя, то что говорить о бедном Андрюхе! Нет, ну надо же быть такими уродами! Конечно, можно теперь сидеть в этом секс-шопе до морковкиных заговинков – вдруг этому интересующемуся что-нибудь да понравилось и он еще зайдет. Но хорошо, если зайдет до сексуального нападения на малолетнюю девочку; а если уже после? А кроме того, у этих маньяков почему-то зверское чутье на опасность; а продавщица – не профессионал: боязливый взгляд, фальшивая интонация, и только нашего маньяка видели! Впрочем, после того, что я услышала, девушка из секс-шопа мне кажется большим профессионалом, нежели сотрудники убойных отделов района и города.

Синцова же не утешили даже кулинарные изыски доктора Стеценко, он грустил и то и дело повторял свою присказку про охранные структуры. А зря! Сашка, между прочим, расстался и обоснованно ожидал, что его стряпню оценят по достоинству. Он сварил ароматнейшую шурпу, только, к сожалению, из баранины, которую я не ем, так что ценить должен был мужчина, Синцов.

Сашка вообще говорит, что женщинам истинный вкус такого совершенного мяса, как баранина, не доступен. Равно как ужасной отравы (это мое субъективное мнение) под названием «конская колбаса», сомнительных напитков – таких, как виски и темное пиво, и вонючих дорогих сигар. Подчеркиваю еще раз, это мое субъективное мнение, которым я не спешу делиться с мужем. И вообще ни с кем, так как рискую, что большая часть своих знакомых (почему-то среди них преобладают мужчины – алчные потребители конской колбасы, пива и виски под хорошие сигары) перестанет со мной здороваться.

Много лет назад, когда мне посчастливилось впервые побывать в Англии, я, естественно, жаждала осчастливить также и родных людей, но средств на подарки осталось не так, чтобы очень много, а именно – всего десять фунтов на шопинг в дьюти-фри. Я, зажав в кулачке свои жалкие авуары, бродила меж полок, уставленных буржуазным изобилием, и страдала от того, что на мои скромные средства это изобилие вовсе не было рассчитано. Если купить Сашке бутылку виски, не хватит на сувенир Хрюндику, и наоборот – мало-мальский подарок Хрюндику перечеркивал возможность порадовать Сашку. И вдруг мой отчаявшийся взгляд упал на огромный красочный пакет каких-то неземных сладостей, эти сласти были изображены на нем очень натуралистично и просто просились в рот. И стоили всего десять фунтов – ровно всю мою наличность. Рассудив, что эти волшебные конфеты будут есть и Хрюндик, и сладстена-муж, и их очень много, целый мешок, я тут же прижала его к груди. Когда мы распаковали этот подарок небес дома и распробовали, оказалось, что, несмотря на разноцветное оформление, обещавшее разнообразные деликатесы, мешок набит одними несъедобными лакричными леденцами, которые даже от простуды можно потреблять только в состоянии глубокого наркоза. Наверняка на белом свете есть фанаты лакрицы, но, к сожалению, моя семья к ним не принадлежит. В общем-то, ладно, посмеялись и забыли; яркий мешок поставили на окно в ожидании, когда хоть один фанат лакрицы забредет к нам в гости, и он там покорно покрывался пылью, и все было хорошо, но как-то я сдуру ляпнула, что на эти деньги могла привезти бутылку виски, тогда еще бывшую не только раритетом в наших магазинах, но и предметом не по карману доктору Стеценко. Боже, что было, какие последствия имело мое неосторожное признание! Я уже давно выбросила проклятый мешок и забыла дорогу на ту помойку, а доктор Стеценко еще несколько лет охал и причитал: «Бутылка виски! Целая бутылка виски! Нет, представляете, у нее было десять фунтов, а она вместо виски купила этот мусор!..»

Баранину тоже, кстати, чуть ли не в первый и последний раз в своей жизни, я ела в Англии, просто не смогла удержаться, чтобы не попробовать «седло барашка под розмарином»,

про которое тогда только в книжках читала. Вкуса не помню, помню только эйфорию от того, что пробую блюдо с таким названием, и не где-нибудь, а в самом сердце старой доброй Англии, в гостинице, переделанной из охотничьей усадьбы Альберта, принца-консорта королевы Виктории. Потом нам показали розмарин, невзрачную жесткую травку с хвойным привкусом. В общем, красиво обозвать в меню можно даже пареную репу, так, что она и на вкус явится райской амброзией. Это лишний раз доказывает, что мы все – жалкие рабы маркетинга.

На вид Сашкина шурпа казалась произведением искусства: прозрачный, как слеза, бульон с жирными блестками поверху, омывающий сочные куски мяса в морковных дольках, перламутровых луковых ракушках и ярких лепестках петрушки, и пахло все это соответственно. Сашка аж пританцовывал, разливая по тарелкам это великолепие, и, забывшись, налил и мне. Оказывается, он еще успел и самсы напечь с тыквой (ничего себе, это сколько же времени мы с Синцовым сидели у метро в машине!), и глядя на лепешки, сочащиеся теплым тыквенным пюре, я уже готова была пересмотреть свое отношение к баранине. Свою тарелку шурпы, правда, я тихо пододвинула Синцову, а он даже и не заметил, что съел две порции, горюя о неудавшейся засаде в секс-шопе.

– Андрюша, ну хочешь, я дело попрошу в свое производство? – ляпнула я, отчаявшись дожидаться, когда на его лице вновь засияет улыбка. – Хочешь? Какое-нибудь из серии...

– Не хочу, – помотал он головой, пренебрежительно болтая ложкой в наваристой шурпе, словно в каком-нибудь жидком рассольнике из главковской столовой. – Одно дело брать – смысла нет. А всю серию... Да из тебя начальство пирожков наделает.

«Это точно», – подумала я. Новое начальство – это не добрый дедушка Мороз в лице Владимира Ивановича, нашего заслуженного прокурора, который нас с Лешкой выпестовал и, образно говоря, вскормил своей грудью. Любимый шеф вот уже год с лишним поливает грядочки во Всеволожском районе, и от того, что мудрецы из городской не продлили ему контракт, выиграла единственно овощи к столу, произрастающие на этих грядочках. Они-то выращены по всем правилам агрохимической науки, зато больше никто не выиграл, а мы с Лехой, как сироты, до сих пор плачем по тем временам, когда во главе родной районной прокуратуры стоял наш В.И. Все остальные, транзитные прокуроры, как их однажды назвал Леха, следуя проездом с окраин необъятной Родины в столицу, не задерживались в нашей прокуратуре больше чем на полгода, и это еще хорошо, а то и на квартал, как теперешний начальник, имя и отчество которого запоминать даже не хотелось – не было нужды. Каждый имел свое собственное идиотское мнение об организации работы прокуратуры в целом и следствия, в частности. А итогом этого победного марша прокурорских руководителей стали полный развал следствия и кадровый бардак.

Боже, как изменилось все вокруг с того самого дня, как я получила прокураторское удостоверение! Сколько же лет назад случился этот день? Нет, лучше не вспоминать. Конечно, я ни о чем не жалею, и следствие – по-прежнему моя страстная и непреходящая любовь; но почему-то все чаще меня посещает грустная мысль о том, что все уже кончилось. Ладно бы, нами командовали другие начальники – они, конечно, другие, в самом нехорошем смысле этого слова, но, в конце концов, кто бы тобой ни командовал, почти всегда можно найти способ остаться нормальным человеком на своем месте. Ладно бы, законы были другие – они и так не сильно поменялись за время, прошедшее от Рождества Христова: «не убий», «не укради», еще кой-какие мелочи, вот и вся премудрость.

Нет, кончилось следствие на Руси как таковое. Мы с Горчаковым, наверное, остались последними дееспособными, пусть мы, может, выглядим таковыми всего лишь на фоне забавной следственной мелюзги. Правда, есть еще несколько пенсионеров – даже не по возрасту, а по состоянию души, воля которых просто растворилась в нелегком бытии, словно желатин в тарелке с горячей водой. Они ничего не хотят, кроме того, чтобы их оставили в покое, и заинтересовать их фабулой дела или судьбами фигурантов практически невозможно. Эти фабулы

и судьбы волнуют их не больше, чем состояние лунных кратеров. Но фокус в том, что следователь без интереса к делу – это писарь, технический персонал, не единица даже штатная. А штатный ноль или минус единица, поскольку вреда от него больше, чем пользы.

Забавная же следственная мелюзга, как мотыль в банке рыболова, копошится на просторах Уголовно-процессуального кодекса, в усердных поисках – нет, не истины по уголовным делам, а источников дополнительного дохода, который можно извлечь из этих дел, причем размеры искомого сей, с позволения сказать, подрастающей прокурорской сменой дохода поражают воображение, а уж способы его извлечения заставили бы содрогнуться Остапа Бендера, вроде бы чтившего Уголовный кодекс. Зато их-то самих ничто не заставит содрогнуться. Мне тут как-то пришлось ждать своей очереди в следственном изоляторе в компании с приличным, еще нестарым адвокатом, который, насколько мне известно, за всю его многолетнюю практику не был замечен в решениях вопросов за взятки и в своей адвокатской деятельности полагался в основном на знание законов, а не на знание тайных слабостей прокуроров и судей. Так вот, он тихим голосом уставшего от жизни человека развлекал меня невыдуманными историями:

– Представляете, Мария Сергеевна, приезжаю я к прокурору, пробиваюсь на прием и задаю простой вопрос: почему не возбуждено уголовное дело при несомненном наличии состава преступления? Да и не одного преступления, там и видеозапись этого погрома, и телефотограммы из травматологических пунктов, и прочая, и прочая... А он мне спокойно так: «А вы тридцать копеек занесли, любезнейший, прежде чем так ставить вопрос?»...

– Какие тридцать копеек? – удивилась я.

– Вот и я столь же наивно переспросил, что за странная сумма такая. – Адвокат вздохнул и задумчиво глянул вдаль, взгляд его уперся в позапрошлогодний календарь, украшающий стену бюро пропусков. В этом годами не менявшемся календаре было даже нечто символическое. – А прокурор, заметьте, впервые меня видит и, подозреваю, никогда не слышал моего имени, однако с поразительным апломбом мне разъясняет, что имел в виду тридцать тысяч долларов. Всем известную таксу за возбуждение уголовного дела. Ничего не боятся... – вздохнул мой собеседник.

– А за что платить-то надо было, стесняюсь спросить? Я поняла из ваших слов, что вы ничего противозаконного не хотели?

– Как раз наоборот! – адвокат слегка оживился и повернулся ко мне. Хотя глаза его оставались грустными. – Это, если хотите, цинизм в квадрате, вымогать деньги за то, что они должны сделать по закону. По законам Российской империи взяточничество разделялось на мздоимство и лихоимство...

– Да, помню, мздоимство – это если чиновник взятку не просил, но ему после принесли благодарность, и он взял...

– Именно так, – кивнул адвокат. – А эти занимаются лихоимством. Пока не занесешь, палец о палец не ударят. И ведь, повторяю, видит меня впервые. И ведет себя так беззащитно. А вдруг я – засланный казачок, пришел, чтобы его изблечить? Э-эх!..

Мне как-то не хотелось продолжать эту тему. Уж если адвокаты жалуются на коррупцию, это означает, что спрос явно превысил предложение.

Я запрещаю себе про это думать; но почему-то все время оно само собой думается. Горчаков неубедительно успокаивает меня тем, что мы все равно дорабатываем последние месяцы, потому что с сентября будет Следственный комитет. Вот еще тоже головная боль – предстоит решать, переходить в Следственный комитет (еще неизвестно, что там будет, может, еще хуже) или воспользоваться моментом и покинуть следственные органы вообще. Горчаков все время заявляет, что ни в каком Следственном комитете себя не видит, поэтому активно ищет место. Врет, конечно. Куда он денется со следствия?...

Синцов, доев и опомнившись наконец, побрякал в пустой тарелке ложкой. По его лицу видно было, что он ничуть не отошел от своих переживаний и перебирает в уме поводы еще

больше порасстраиваться. Я даже хихикнула про себя, настолько все они – и мужественный Синцов, и brutальный друг и коллега Алексей Евгеньевич, и родной муж, не говоря уже о поселем борце с организованной преступностью Кораблеве, – похожи в своих детских рефлексиях. И точно, Синцов на секунду застыл, разглядывая ложку, а потом поднял на меня страдальческие глаза:

– Представляешь, у нас в гувэдэшной столовой ложки плоские!

– Как это? – фыркнули мы с Сашкой одновременно.

– Плоские. Ими суп не зачерпнуть.

– А разве такое бывает? – не поверил мой муж.

– У нас в милиции все бывает, – с некоторым даже удовлетворением сообщил Синцов, трагический, как ослик Иа. – Это наш директор столовой накупил плоских ложек и кривых блюдец, на которых чашка с кофе не стоит, проливается. Ворюга, сволочь! Денег списал небось, как за мейсенский фарфор.

– А как же ты ешь? – спросила я, запоздало подумав, что не так уж часто Синцову доводится обедать и ужинать. Единственно, кофе он по утрам после сходимки пьет, спускается в столовую, поскольку там пусть чашки с блюдами кривые, но кофе варят на уровне мировых стандартов, я хоть и не пью, но знаю. А после этого утреннего кофе он либо болтается по местам происшествий, которые могут оказаться в любом районе города или даже в области, либо зависает в своем закутке в отделе, качаясь на расшатанном стуле и покусывая карандаш. У него там есть колченогая табуретка, которую он в торжественных случаях использует как сервировочный столик, накрывая льняной салфеткой, и фарфоровая чайная пара. И бутерброды с сыром он делает вкусные. Правда, давно их не пробовала, может, он уже разучился?

На вопрос, как же он хлебает плоскими ложками, Синцов даже не стал отвечать, опять ушел в свою тоску. Доктор Стеценко, споро прибравший со стола и накрывший к чаю, снял с себя фартук и присел напротив Андрея.

– Скажи-ка мне, а что там по биологии? – осторожно спросил он.

Синцов слегка оживился.

– Саня, точно не знаю. Понимаешь, дела в разных районах. Хоть главк и подобрал ОПД-эшки² под себя, дела-то все в разных районах.

– Что, городская прокуратура дела не взяла? – удивилась я, но тут же прикусила язык. Синцов только грустно взглянул на меня и не затруднил себя ответом, поняв, что до меня и так дошло: конечно, горпрокуратура не берет никаких дел в преддверии ликвидации следствия в прокуратуре и создания Следственного комитета. Зачем, если все равно в ближайшем времени все дела придется передавать по акту? Ох, не вовремя затеяли всю эту бодягу со Следственным комитетом, поскольку и так в следственных подразделениях бардак, а с передачей дел и реформированием следственных органов он усугубится, но что ж поделаешь?

– Синцов, хоть дела и в разных районах, все равно не поверю, что ты все пороги не обил в Бюро СМЭ, – сказала я. – Наверняка ведь ездил к биологам, а? Клянчил, чтоб тебе хоть на словах сказали, что там со спермой и с кровью. Да?

– Не особо-то мне и сказали, – пробурчал Синцов. – Там какие-то непонятки.

– То есть? – удивились мы оба с Сашкой, в один голос.

Какие могут быть «непонятки» со следами биологического происхождения, интересно? Экспертиза вещественных доказательств – достаточно конкретная экспертиза. Насколько я поняла со слов Андрея, материала для исследования там было достаточно, значит, установить группу крови злодея вполне возможно. Если же в каком-то случае эксперты колебались с определением группы крови, то «непонятками» это назвать нельзя. Все очень любят поми-

---

² ОПД – оперативно-поисковое дело, заводится по факту нераскрытого преступления органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в данном случае – уголовным розыском.

нать загадочную историю с Чикатило, группа крови которого якобы не совпадала с группой спермы, что в принципе невозможно. Дело в том, что на теле одной из ранних жертв, еще в 1982 году, нашли следы спермы четвертой группы, значит, и кровь злодея должна была быть той же, четвертой группы. Через два года Чикатило задержали как подозрительного субъекта, проявлявшего интерес к подросткам. Уже тогда могли бы раскрыть дело, но оказалось, что у задержанного вторая группа крови, и его отпустили с миром. Он убивал еще шесть лет, до 1990 года. Больше тридцати трупов... Но не так давно кто-то из следственно-оперативной группы по делу с кодовым названием «Лесополоса» (изуродованные маньяком тела находили в лесополосах вдоль железной дороги) проболтался в прессе, что все эти бредни про биологическую феноменальность Чикатило – не что иное, как попытка прикрыть грубую оплошность экспертов, промахнувшихся с истинной группой крови злодея по одному из эпизодов. Тем более что там исследовались вещдоки, невесть сколько пролежавшие в закромах отделов милиции, а у Андрея все случаи свежие.

– Андрей, случаи-то свежие?

– Маша, полтора месяца назад все началось...

– А что за непонятки?

– Случаи свежие, а группу установить не могут.

– Бывает, – прокомментировал доктор Стеценко, крутя кухонное полотенце. – Значит, он не выделитель. Нет антигенов в выделениях.

– Да, мне так и сказали, что по сперме его группу крови не установишь.

Похоже, что наш несчастный опер мало-помалу отмяк за вкусным обедом и готов был уже поведать все подробности, но тут, совершенно некстати, затрезвонил его мобильник. Синцов вытащил телефон и рявкнул в трубку:

– Ну?!

Слушая, он все больше мрачнел лицом, потом заорал:

– Да пошел ты! – и, отключившись, швырнул мобильник в стену.

Сашка, еле увернувшись от пролетевшего мимо уха мобильника, как от снаряда, срикошетившего от стены, подобрал его с пола и повертел в руках.

– Хорошо, что титановый, – невозмутимо заметил он, отдавая трубку Андрею.

– Извините, – опомнился Синцов. – Достали все...

Он покраснел и затеребил свой титановый телефон.

– Дежурка звонит... Не могу ли я выехать на происшествие, а то, видите ли, наш опер завис по каким-то своим делам. Да мне-то что?!

«Да, времена изменились», – подумала я. Когда-то дежурный опер манкировал своими обязанностями, только если оказывался пьян в зюю и лежал, не в силах подняться. Раз уж был в состоянии встать на ноги, то ехал на происшествие, даже если плохо держался в вертикальном положении. А теперь опера делают в рабочее время свой гешефт где-то на стороне – ну, не разорваться же им, в самом деле, а дежурная часть их покрывает.

Телефон в руке Синцова зазвонил снова, и я испугалась, что на этот раз моего мужа может зацепить рикшетом.

– Отключи его, – посоветовала я.

Синцов с сомнением покосился в мою сторону. Это хроническое ощущение, преследующее всех оперов и следователей, мне тоже знакомо: ага, я отключусь, а мне именно сейчас позвонят, чтобы сказать что-то важное, неотложное и позвать туда, где без меня все рухнет. Причем по закону мировой подлости именно так и случается: стоит хоть на пять минут выпасть из зоны действия сети, как ровно в эти пять минут и позвонят, чтоб то самое важное сказать. Вот интересно, как это мы раньше обходились без мобильных? И умудрялись как-то дежурить, и всегда наш прокурор нас находил, если было нужно. Правда, была проблема, как вернуться с места происшествия, если оно – посреди чистого поля, а машина с рацией – един-

ственным средством связи с дежуркой – благополучно отбыла по другим нуждам. Приходилось либо терпеливо ждать среди снегов в лютый мороз или в луже под проливным дождем, или в вонючем подвале расселенного дома; либо посулами и лестью удерживать при себе свободолобного водителя вместе с машиной до конца осмотра, вопреки желаниям дежурной части. Эх!..

Но трубку он послушно отключил.

Тихо шелкнул дверной замок – это вернулся с гулянки мой гривастый отрок. Проходя мимо кухни, где заседал наш штаб революции – вполне невинно, за чаем с конфетами, Хрюндик заглянул внутрь и светским баском поприветствовал нас:

– Добрый вечер.

Выполнив таким образом долг вежливости, он удалился к себе и плотно прикрыл дверь.

– Кто это? – обалделым шепотом поинтересовался Синцов.

Мы с мужем хрюкнули.

– Сыночек это наш, – пояснил Сашка.

Синцов уставился на него.

– Это... кто? Какой сыночек?

– Один у меня сыночек, – вступила я. – Гошей зовут.

– Гоша?! – поразился Синцов. – Гошенька?...

Он чуть приподнял ладонь над столом, примеряя, какого росту должен быть мой сыночек, и заглянул под нее. Наверное, по его прикидкам, получалось, что Хрюндик еще должен пешком под стол ходить. Он как-то не учел, что, пока он боролся с маньяками, время на месте не стояло, дети вокруг росли и выросли, да и мы все тоже не помолодели.

– Он же вот такой должен быть? – Синцов все еще заглядывал под свою ладонь, держа ее в полутора метрах от пола.

– Андрюша, ты когда его видел в последний раз? – поинтересовалась я.

Синцов призадумался.

– А когда по Васечкину работали, помнишь? Тринадцать эпизодов, введение посторонних предметов в полости тела. Лицо жертвам подушкой закрывал. – Синцов мечтательно прикрыл глаза. Понятно, он время исчисляет не годами и месяцами, а периодами от одного маньяка до другого.

– Да ладно, ты что, с тех пор у нас в гостях не был? – усомнилась я.

– Вроде был. Но он, – Синцов покосился в сторону комнаты ребенка, откуда уже понеслось какое-то компьютерное уханье, – спал, наверное...

– Наверное, – успокоила я его.

Мы еще поболтали о пустяках, забыв про непонятки с биологией по маньяку, но Синцов то и дело крутил головой, отказываясь верить в то, что маленький лапочка Хрюндик вымахал в дяденьку повыше его самого и басит с ним в октаву.

– Знаешь, Маша, – прошептал он мне доверительно, когда Сашка отлучился куда-то из кухни, – я до сих пор про себя думал, что я молодой и борзый... Могу питаться шавермой на улице, спать в кабинете и бегать по лестницам на осмотрах и обходах... А я-то на самом деле – уже старый и облезлый, как мой кабинетный диван. Представляешь, со мной ребята работают – дети тех, с кем я в дежурке начинал! Уже второе поколение в розыск пришло. Ужас! А мне-то куда деваться? Я прямо как анахронизм, у всех торчу бельмом...

– Андрюшка, – я не смогла сдержать улыбки, – это тебя мой отпрыск на грустные мысли о бренности навел? А ты вообще помнишь, сколько тебе лет? Ты дни рождения свои отмечаешь?

– Если поздравит кто, отмечаю, – буркнул он. – Но лучше не думать.

В душе я была с ним согласна. Лучше не думать про то, сколько тебе лет, и особенно про то, сколько воды утекло с тех пор, когда мы и впрямь были рысаками.

Вернулся Сашка. Бросив на нас с Синцовым пронизательный взгляд, он не стал лезть к нам в душу. Просто вытащил из загашника какой-то приличный коньяк (из чего я сделала

вывод, что мне в этом доме выпить не предложат), плеснул себе и Синцову и поставил на плиту медную турочку с кофе. Правильно, после чая для всех – наступило время сугубо мужского десерта. Все, как в лучших домах... А я пойду мыть посуду.

– Андрюха, – небрежно спросил мой муж, не спуская глаз с кофе, – а что это он в секс-шоп поперся? Если это, конечно, он, тот самый?

Синцов оживился. То ли благословенный напиток в пузатом бокале наполнил наконец его душу умиротворением, то ли сытная пища начала перевариваться и оттянула на себя энергетические ресурсы, кто его знает. Но по глазам его, по ленивому покачиванию бокала, по спокойному любованию тем, как коньяк маслянисто омывает тонкое стекло, понятно было, что с ним уже можно без опаски разговаривать на любые темы, инфаркта и истерики не будет.

– Саня, это ты для поддержания разговора интересуешься? – уставясь в бокал, негромко проговорил Синцов. – Не знаешь, что ли? Или притворяешься?

– Ну, кое-что предполагаю. Но жажду выслушать компетентное мнение.

Синцов усмехнулся, не отводя глаз от золотого блика в коньячном озерце.

– Маша, что ж ты мужа не просвещаешь? О чем вы, интересно, говорите в постели долгими зимними ночами? Неужели не о об ужасных преступлениях и не о злодеях с кровавыми руками? Не верю.

Я фыркнула. На самом деле Синцов прямо в точку попал. Но ни ему и никому другому тоже я признаваться в этом не намерена.

– Ну, тогда слушай, – он крутанулся на стуле в Сашкину сторону, хотя продолжал упорно гипнотизировать взглядом бокал. Посылал ему, что ли, мысленные импульсы – чтоб коньяк в нем не кончался?

– Преступления он совершает в особом эмоциональном состоянии, на подъеме. И в этот момент находится во власти своих инстинктов. И любое свое действие считает оправданным и необходимым. А позже, когда эмоции гаснут, он уже по-другому оценивает содеянное. И ужасается. И понимает, что сам остановиться не может, значит, надо, чтобы кто-то его остановил.

– Ага. – Сашка снял с плиты кофе, ловко разлил по чашкам (две чашки, как и два бокала, конечно, я кофе не пью, равно как и коньяк, и муж об этом знает, но все же существуют приличия, черт подери). – Хочет, чтобы его остановили, но прямо попросить об этом не может, да?

Он присел за стол, они чокнулись коньяком и выпили. Надеюсь, за мое здоровье. Я откинулась на стуле, балансируя на двух ножках с риском для жизни, и прислонилась к стене, но даже эти мои акробатические упражнения не заставили отвлечься и обеспокоиться за меня. Интересно, кто тут следователь, я или доктор Стеценко (вопрос риторический)?

– Ну да, – продолжил Синцов. Все-таки он здорово вырос как специалист с того времени, как бросил заниматься банальной организованной преступностью и переключился на маньяков. – Поэтому и подает завуалированные сигналы бедствия. Он ведь мог просто заглянуть в любой секс-шоп, правильно? И выбрать, что понравится? Но ему зачем-то понадобилось звонить и вопрос задавать такой, чтоб внимание привлек и запомнился. «Есть ли что-нибудь, чтобы не насиловать малолетних»...

– Послушай, Андрей. – Сашка выглядел по-настоящему заинтересованным. – А может, это вовсе не мольба о помощи? А, наоборот, бравада? Нервы он себе щекочет? Ведь если он осознанно сформулировал такой вопрос, то ведь не мог не понимать, что его там могут ждать с милицией, а?

Я напряглась – не дай бог, мы вернемся в начальную точку и сейчас снова прозвучит горестное синцовское заклинание про охранные структуры, но Андрей только качнул рукой, взметнув остатки коньяка в бокале, и грустно усмехнулся:

– Может, он в милиции работает, сукин сын? И знал прекрасно, что никто задницу не оторвет, даже попроси он мешки для упаковки расчлененного трупа?

– Вряд ли, старик. Это слишком. Тогда уж проще было в дежурку РУВД позвонить с тем же вопросом.

– Но при этом он так ничего в секс-шопе и не купил, – грустно отметил Андрей.

– Ничего не глянулось? Или маленький ассортимент?

– А черт его знает! Может, и прав ты, он звонил и приперся потом туда, только чтобы нервы себе пощекотать. В понедельник надо идти туда со следователем, допрашивать продавщицу, что она ему предлагала и какая была реакция.

– А почему в понедельник? – вмешалась я. – Завтра еще только воскресенье.

Синцов поднял на меня глаза, полные мудрой тоски прожившего на свете акакала.

– Да что ты, Маша. Дай бог следака в понедельник выманить из насиженного кабинета! На коленях придется стоять. Будет ведь клянчить, чтобы я ему девицу притащил за шкуру, потом начнет ей грозить, сломает контакт и в итоге запишет три строчки ерунды, которой место в корзине.

– Андриюша, ты утрируешь, – усомнилась я. – Тебе сейчас все кажется слишком мрачным по причине плохого настроения.

– Да что ты, Маша, сейчас у меня настроение лучше некуда, – горько усмехнулся он. – Избавляюсь от иллюзий, пора уже.

– Каких иллюзий? – не поняла я.

– Таких. Пока я работал с тобой и Горчаковым, я наивно верил, что в прокуратуре все такие. Этот наив мне дорого обошелся. Ладно, проехали. Вот интересно, откуда он телефон этого секс-шопа взял, а? И почему именно туда звонил, живет он рядом, что ли?

Тут я отвлеклась от их беседы. Не может быть, чтобы Андрей не спросил девушку из секс-шопа, где можно получить их телефон. Мне уже было понятно, что ближайшие дни Синцов потратит на обход всех магазинов интимных товаров в городе, чтобы выяснить, не звонил ли туда кто-либо когда-либо с подобным интригующим вопросом об ассортименте. И не приходил ли некто с приметам, названными умницей продавщицей с улицы Восстания. И в зависимости от собранной информации Синцов будет определяться с территорией, к которой имеет притяжение этот загадочный злодей. И конечно, он прав насчет того, что продавщицу надо допрашивать не в кабинете следователя, а по месту работы: чтобы сразу посмотреть своими глазами, что она ему предлагала. А потом логично прямо сразу и протокол осмотра всего этого добра составить, с фотографиями. Не исключено, что при случае специалисты смогут из собранной информации вытянуть что-нибудь дельное для составления психологического профиля злодея.

Перебрав в уме свои скучные дела (пара пустяковых взяток, превышение должностных полномочий, разбойное убийство, два старых мафиозных «глухаря», загубленных на корню великими деятелями из горпрокуратуры, и скинутых в наш район, как в помойку, – тьфу, даже вспоминать не хочется), я загрустила, прекрасно понимая, что эту «вкусную» серию мне никто не даст. А если кто и даст, то руководство не слезет с меня по тем делам, что уже занимают мой сейф, а в эту серию надо погружаться с головой, иначе толку не будет. Вот так всегда: кому-то увлекательные и перспективные криминальные загадки, а кому-то унылая рутина из пожухлых «корочек».

Так я себя жалела и переживала, и сознание мое включилось лишь на кодовое слово, вернее, фамилию: «Горчаков». Заслышав ее, я встрепенулась, пытаюсь понять, не вынашивают ли два эти ренегата коварных планов по приобщению моего друга и коллеги Алексея Евгеньевича к сему козырному расследованию. С них ведь станется: сначала баранину сварили, потом коньяком обошли, а в конце концов увели дело из-под носа. Как говорит наш общий знакомец Кораблев, сначала конфетка с ромом, потом ром с конфеткой, а потом бабушку убил.

Но нет, они просто перемывали косточки знакомым, в том числе и Лешке. Помянули все его последние романы, обсудили, с тонким психологизмом, сначала причины его патологиче-

ской любвеобильности, потом – причины его патологического матримониального постоянства, отметив, что ни одной юбки Леша не пропустит, но из дому в пампасы совсем уж не рвется, как-то совмещает. И Ленка может быть уверена, что ее муж никогда не бросит. Хотя в последнее время я что-то не слышу про его романы; зато дела семейные у него с уст не сходят. Теперь он играет в Папу с большой буквы. Активно взялся за воспитание деточек, наверстывает упущенное за долгие годы следственной ляжки.

Под монотонные речи мужчин я выглянула в окно. На улице уже совсем стемнело; и Синцов тоже посмотрел в окно, а потом на часы и потянулся.

– Спасибо вам, ребята. Вернули к жизни. Уже опять чертовски хочется поработать.

Мы с Сашкой понимающе улыгнулись, и я боднула Синцова в плечо.

– Может, останешься, Андрюша? Чего тебе тащиться через весь город на ночь глядя? Вот-вот мосты разведут.

– Ну, теперь для таких, как я, всегда есть вантовый. А потом, – он встал между нами и приобнял нас, сидящих, за плечи, – устал я, ребята, ночевать не дома. То в кабинете сплю. То лень на пару часов домой переться, вот и кемарю в машине... Спасибо вам, конечно, мне у вас хорошо. Но все-таки двину восвосяси.

Надев пиджак и подойдя к двери, он привычно проверил в карманах наличие ключей от машины и удостоверения, а потом вдруг строго спросил меня:

– Тебе Катюшкин звонит? Интересуется про убийства с отчленением голов?

Я растерянно кивнула.

– Вот и мне звонит, – сказал Синцов. – Ну, пока.

И он уехал.

А мы с Сашкой сидели в нашей уютной кухоньке, вдыхая горьковатый ночной воздух, подкрашенный тонким ароматом сваренного и уже выпитого кофе, и смаковали послевкусие мирной посиделки.

– Сашуля... Вот почему Синцов бобылем живет? Умница, симпатичный, настоящий мужик... Столько женщин вокруг неустроенных, да вот хотя бы в ГУВД у них, почему никто из них его к рукам не прибрал?

Муж отвел глаза от последних светящихся окон в доме напротив и повернулся ко мне, на губах его играла какая-то двусмысленная усмешка.

– Женщин много, говоришь? А скажи мне, какой из них тебе не жалко было бы отдать Синцова?

– Ты что?! – Я возмутилась. – Ты что, думаешь, я его нарочно при себе удерживаю? Сашка! Ты ревнуешь, что ли? Уж от тебя не ожидала, ты же умный человек! Он мне друг!

Сашка рассмеялся, уже не сдерживаясь.

– Ишь как ты разошлась! – Он притянул меня к себе, погладил по голове. – И почему я тебя так люблю? Сам иногда удивляюсь.

– Так ревнуешь?

– Нет. Я имел в виду другое. Какую из известных тебе неустроенных женщин ты видишь рядом с Синцовым? С кем ему будет хорошо?

Сашка, как всегда, попал в точку. Перебрав мысленно всех знакомых кандидаток, я вздохнула: могу поклясться, ни одна из них ему не суждена. И не в них дело, а в нем. Так что, боюсь, до конца дней Синцов обречен ночевать на чужих диванах и кофе с коньяком пить в гостях, посматривая на часы. Сейчас я испытывала к нему болезненную нежность и жалость, особенно из-за того, что плечом ощущала мягкую Сашкину спину. Мы вдвоем, и того же непередаваемого чувства теплой близости родственной души я искренне желала своим друзьям, и Андрюхе в первую очередь; пусть и у него все будет так же, как у нас с Сашкой...

Синцов позвонил мне в субботу утром, на следующий день, когда я потягивалась в постельке, щелкая пультом и скача по всем телеканалам вместо зарядки, и еще не отошла от болезненной нежности, ему адресованной. И сказал только два слова:

– Ну, Маша!

И повесил трубку.

У меня внутри похолодело. Интонация, с которой эти два слова прозвучали, а главное, эти безжалостные короткие гудки в трубке, по-моему, могли означать только одно: я чем-то так нагадила Синцову, что он даже не считает нужным со мной объясниться и навсегда вычеркивает меня из списков живущих, забыв про наше боевое прошлое, про то, что когда-то был ко мне неравнодушен, и про то, какие хорошие вещи вчера говорил мне в минуты душевного расслабления.

Выходные прошли в атмосфере мрачных предчувствий. Нехорошие мысли об отчужденных головах, предсказанных Катушкиным, перемежались с пугающими соображениями о том, чем я насолила Синцову. Мой номер он, видимо, сразу после телефонного крика души загнал в «черный список», дозвониться ему за объяснениями я так и не смогла, а потом гордо плюнула с видом «не больно-то и хотелось», но кошки на душе скребли.

Если бы я знала вчера, что аккурат после моего предложения отключить трубку ему действительно стали названивать заинтересованные лица, чтобы сообщить об очередном преступном эпизоде Скромника (как я уже успела обозвать про себя нового маньяка)! Но не дозвонились. Уехав от нас, он так до утра и не включил телефон, просто забыл, потому что никогда раньше так не делал, не оставался без связи, а тут внял моему дурацкому совету... И в результате не попал на место происшествия в те важные первые часы, когда еще можно предотвратить утрату ключевых доказательств, найти то, что через пару дней уже скроется от глаз людских, и не дать свидетелям забыть тончайшие нюансы всего, что они видели, слышали и осязали, – нюансы, которые испаряются из свидетельской памяти легко и незаметно, словно дымок от сигареты на свежем воздухе. А вместо этого он смаковал коньяк на нашей кухне и точил лясы ни о чем с двумя даже не родственниками. Но об этом я узнала только в понедельник, придя на работу и выслушав в канцелярии последние сплетни.

В принципе, у нас в районе можно даже сводок не читать, пока есть Зоя. Уж откуда она черпает всякую конфиденциальную информацию, могу только догадываться. Сама она, с загадочным видом вываливая свежайшие новости из всех абсолютно сфер – прокурорских ли, милицейских, интимно-светских, – не колетса, приговаривая, что у каждого свои источники. Но учитывая, что везде – и в милиции, и во всех подразделениях прокуратуры – есть секретариат, куда, словно в Рим, ведут абсолютно все дороги и куда приходят отдежурившие следователи – сдавать наработанные материалы...

И в это утро именно Зоя живописала мне, как страдал и убивался Синцов, – как обычно, тщательно скрывая от меня, откуда она это узнала, но не забывая через слово поминать, что это по моей вине Андрей оказался информационно отрезанным от всего мира. Жестоко, в общем, со стороны старого друга. Но после всех страшных разочарований, выпавших на его долю, обижаться на Синцова было невозможно, надо понимать, что он и так деморализован и слегка не в себе, стало быть, придется исправлять положение.

Нет, мне известны, конечно, случаи, когда следователи спустя какое-то время и даже через много лет умудрялись выцепить нечто сенсационное и раскрыть на этом дело. Да чего там, я сама как-то раз, на втором году работы в прокуратуре, получив в производство безнадежное дело пятилетней давности об исчезновении маленькой девочки, которое шеф вытащил из пыльного архива перед очередной проверкой и сунул мне, чтобы было с кого спрашивать, решила, не питая никаких иллюзий, провести повторный осмотр квартиры, где видели пропавшую девочку в последний раз.

Там жил ее детсадовский приятель, в день исчезновения она была отпущена к нему в гости. Дети мирно поиграли, пообедали, потом мама девочки позвонила маме мальчика и попросила отправить девочку домой, через двор, не нужно было даже переходить через дорогу. Мама мальчика предложила довести подружку сына до квартиры, но подружкина мама ответила – не надо, дочка самостоятельная, доберется сама, мы и так злоупотребили вашим гостеприимством. Трубку передали девочке, она выслушала от мамы последние наставления, мальчик помахал подружке с балкона... И больше малышку никто не видел. Домой она не пришла, ее не нашли ни живой, ни мертвой.

Не знаю, что мне стукнуло в голову, скорее всего – обычная следственная добросовестность, но я решила для начала тупо провести повторные осмотры, сначала жилища девочки, а потом жилища мальчика. В квартире безутешных родителей малышки, где все выглядело так, будто их дочка сейчас вернется из песочницы во дворе – они сохранили все ее игрушки, все рисунки, все платьица, – осмотр оказался профформой, ничего даже мало-мальски значительного я не нашла. Зато в квартире мальчика...

За прошедшее время в той семье родился еще ребенок, но, к моему следовательскому счастью, обстановка осталась прежней, даже обои не переклеивали, это я проверила по фототаблице, составленной пять лет назад. На вид все было мило и благопристойно, а семья вполне могла претендовать на звание образцово-показательной ячейки общества: папа-врач, мама-домохозяйка, интеллигентные и симпатичные, детки – ныне уже десятилетний дружок пропавшей, серьезный красивый парень, и младший, четырехлетний ангелочек. Хозяева с пониманием отнеслись к моей просьбе разрешить еще раз взглянуть на их квартиру; пока мы с криминалистом и медиком осматривались, они даже напоили нас кофе и вообще были чрезвычайно любезны. У хозяйки на глазах то и дело показывались слезы при воспоминаниях о том ужасном дне, когда пропала маленькая девочка; она все сокрушалась, что послушалась ту маму и не проводила малышку до дому. Да старший парень, строго глядя на наши манипуляции огромными карими очами, часто отворачивался и горько заламывал бровь.

Я написала подробнейший протокол осмотра, зафиксировав в три раза больше деталей, чем мой предшественник пять лет назад по горячим следам. Но все это не имело никакого значения. Мы уже собирались отбыть восвояси, как вдруг... Вдруг мне показалось, что два куска обоев в детской чуть-чуть, ну самую капельку не совпадают по рисунку с остальными. То ли цветочки на них были на одну десятую тона светлее, чем на соседних полотнищах; то ли пестики с тычинками смотрели не в ту сторону, я сейчас уже и не вспомню. Я безразличным тоном спросила, когда делали ремонт в этой комнате. Хозяева переглянулись, и женщина ответила, что за год до того печального события, а что? Я пробормотала, что понравились обои, где купили?... Получив ответ и поблагодарив хозяев, мы отбыли.

От дома радушных хозяев я помчалась напрямик в названный ими магазин. К счастью, за пять прошедших лет магазин вместе с хозяином не разорился и не исчез, а наоборот, окреп и разросся. На мою удачу, на складе даже работал тот же кладовщик, что и пять лет назад, крепенький отставник с цепкой памятью. Я показала ему фототаблицу из дела со снимками интерьеров детской комнаты и спросила про обои. Отставник кивнул и выудил из нижнего ящика стола пыльную амбарную книгу. Плюнув на палец, он долго листал ее, потом поднял на меня глаза.

– Эти обои мы в Белоруссии закупали, пять лет назад продали последнюю партию. Немножко бракованную, там на десяти рулонах цветочки были светлее, чем на основной партии. Больше в Белоруссии не брали обоев, теперь только импортом торгуем.

– Сергей Осипович, миленький, а не вспомните ли, было такое, что кто-то докупал такие обои? – взмолилась я, отчетливо понимая невозможность помнить подобные детали на протяжении пяти лет.

Но бодрый отставник снова плюнул на палец и полистал амбарный том.

– Если кто докупал, мы со скидкой продавали. Вот, люди чек предъявили на основную покупку, мы им два рулона отпустили со скидкой.

Не знаю, что меня толкало в спину, но со склада я снова полетела на квартиру, благо медик и криминалист находились при мне и ждали распоряжений.

Теперь хозяева квартиры были не столь радушны и не столь спокойны. Открыв нам дверь, они даже не улыбнулись. И на нас пошла от всей семьи, включая даже четырехлетнего малыша, осязаемая волна напряжения, смешанного со страхом.

Вежливо отодвинув их, мы прошли в детскую. Я присела и стала рассматривать плинтус в углу детской комнаты, под полотнищами обоев, которые явно – теперь я в этом не сомневалась – были переклеены позднее основного ремонта. Криминалист без слов присел рядом со мной и, достав из своего чемодана какие-то инструменты, подцепил плинтус и приподнял его. Плинтус треснул, от него отломился кусок, и криминалист осторожно его перевернул. Хозяева дома, стоявшие с каменными лицами в дверях детской, не проронили ни звука. Настала очередь медика, он, тоже молча, показал нам на бурые затеки с внутренней стороны плинтуса, и, достав белую полоску экспресс-анализа на кровь, смочил ее и приложил к одному из затеков.

Что было дальше?

Плинтус с затеками мы изъяли, равно как и фрагменты обоев с брызгами крови из-под второго слоя, наклеенного после происшествия. Первым не выдержал папа-врач. Мы не успели еще получить результаты экспертизы следов крови на плинтусе и под обоями, как он уже рассказывал нам, что же произошло в тот день, пять лет назад.

Девочка действительно собиралась домой, но ей захотелось взять с собой какую-то игрушку, с которой не желал расставаться ее друг. Дети банально подрались, теща эту игрушку каждый к себе, мальчик не рассчитал силы и дернул что есть мочи, девочка потеряла равновесие и шлепнулась в угол, ударившись виском о большую металлическую пожарную машину, игрушечную, естественно.

Когда на дикий вопль парня в детскую прибежала мама, девочка была уже мертва. «Скорую» вызвать она побоялась, сидела, крепко прижав к себе сына, до прихода мужа. Папа-врач подтвердил, что девочку уже не спасти. Сказать обо всем ее родителям? Признать, что их сын убил девочку? Отдать сына в милицию, в какое-нибудь спецучреждение, что ему там еще грозит, они точно не знали. Да и не хотели знать.

В большой сумке они вынесли тело девочки к машине, врач отвез его за город и сбросил в болото. Посмотрел, как над сумкой чавкнула трясина, и вернулся домой. Двумя часами позже он с женой, вместе со всем двором, активно участвовал в поисках девочки.

На уличной операции он бродил по болотистой равнине очень долго, пытаясь найти то самое место, все-таки пять лет прошло... Удивительно, но специалисты с третьей или четвертой попытки все-таки достали сумку, в которой оказалось довольно хорошо сохранившееся тело девочки. И погнутая, проржавевшая пожарная машина...

Вот так. Но это – исключительный случай. Зная «высокую» квалификацию современных следователей (старость, видимо, подкралась незаметно, поскольку я спокойно об этой поросли ни говорить, ни думать не могу), не сомневаюсь, что по закону подлости наиболее важную деталь они затопчут или потеряют, или выкинут.

У меня аж под ложечкой засосало от всепоглощающего чувства вины перед человечеством в целом и перед Синцовым в частности. Заслужить прощение можно было единственным способом: пойти и взять все «глухари» себе. Я посидела немножко, привыкая к этой мысли, потом, кряхтя, поднялась и поплелась к начальству кланяться дела себе на шею. Плелась и думала про то, что отрезанных голов, однако, за выходные не случилось.

Глава 3

Начальство с важным видом сидело в кабинете за девственно чистым столом и явно маялось бездельем; но когда я появилась в дверях руководящего кабинета, взглянуло на меня так недовольно, как будто я вторглась в святилище в момент постижения сакральной тайны бытия. Впрочем, это я погорячилась; посмотреть-то прокурор на меня посмотрел, но взгляд его ничего такого не выражал. Кроме, пожалуй, вселенской скуки. Я в который раз поразились, как можно приехать с Дальнего Востока в Санкт-Петербург, стать руководителем прокуратуры одного из центральных районов – и сидеть с таким недовольным лицом.

Наверное, я была не совсем справедлива, но мне, как и Лешке, после нашего дорогого В.И. ни один прокурор не угодил бы. Как Анна Каренина, уже полюбившая Вронского, не зная, к чему придраться в муже, вдруг задалась вопросом, отчего это у Каренина так странно уши выдаются, и каждое слово, сказанное им, ей казалось фальшивым и резало слух, так и мы с Лешкой все подсознательно искали подтверждение тому, что очередной прокурор нашему любимому шефу (к сожалению, бывшему) недостоин очки протирать. Именно поэтому мне все время виделись в новом начальнике только неприятные, даже отталкивающие, черты. Например, фигура его ассоциировалась у меня с усаженным в кресло кулем муки, на который натянут синий мундир с погонами советника юстиции, тем более что погоны были обильно посыпаны перхотью, а из тугого воротничка выпирала, как опара, пухлая шея, а над ней маячила серая невыразительная физиономия, рыхлая и сырая, как недопеченный блин.

Иногда я даже позволяла себе такое выражение лица, которое могло бы намекнуть прокурору о моем истинном к нему отношении. Могло бы, если бы он взял труд поинтересоваться, а что думают про него сотрудники, руководить которыми он прибыл из такого дальнего далека; но похоже было, что ему на наше отношение наплевать. У него отношения были гораздо более важные, с одним из новых заместителей прокурора города, чьими ходатайствами его и выбросило волной на наш питерский берег. И до нас, грешных и ничтожных, он не снисходил, наверное, готовясь со временем принять руководство более серьезным подразделением.

Но на этот раз какие-либо сомнительные выражения лица были неуместны, я ж все-таки пришла униженно просить.

Нацепив самый свой смиренный облик (вот Горчаков бы позлорадствовал на тему моей кротости и послушания), я протиснулась в кабинет и присела на краешек стула с видом выпускницы закрытого пансиона. Прокурор ничего не говорил, только смотрел, выжидая. Никаких бумаг у меня в руках не было, и это обнадеживало. Но, поскольку всем своим видом он давал понять – не только мне, любому зашедшему, за исключением, естественно, вышестоящих товарищей, – что он безумно занят решением насущных вопросов оптимизации прокурорского надзора, я знала, что мне даже устно следует быть максимально краткой. С какого же боку зайти? Лучше, наверное, не сбоку, а в лоб.

– Валерий Васильевич, можно мне несколько дел забрать из других районов? Если вы не против, я с городской договорюсь. Через главк.

Мысленно я даже зажмурилась, проговорив это. И, как оказалось, напрасно. Впервые в глазах прокурора промелькнула искра понимания. Он даже корпус слегка развернул в мою сторону, а до этого сидел, уставясь в стенку прямо перед собой, как сфинкс, честное слово.

– Что за дела? – довольно спокойно, вопреки моим опасениям, спросил он. – По линии ОБЭП?

И тут до меня дошло, что огонек понимания зажегся в прокурорских очах неспроста. Сейчас я скажу ему, что дела – о сексуальных преступлениях, да еще и «глухие», и понимание исчезнет. Потому что чужие сексуальные «глухари» может по доброй воле просить в свое производство только идиот. Другое дело – какие-нибудь материалы по линии борьбы с эконо-

мическими преступлениями; святое – подобрать под себя заказные темы, на которых вполне реально навариться, даже если по подследственности они в других районах, договориться всегда можно.

Так и вышло. Стоило мне признаться, что я хочу перетащить в родную прокуратуру кипу каких-то левых дел о тяжких преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, как руководитель на глазах забронзовел. И скупно выдавил:

– Нет.

Вот так, без разговоров.

Я стала умолять. На мгновение прокурорское чело снова озарилось надеждой, что дела как-то связаны с сильными мира сего и на них можно нажать хотя бы политический капитал. Но по мере того, как я распинаясь насчет необходимости забрать дела, надежда его гасла.

– Нет, – повторил он без выражения и потерял ко мне всякий интерес.

Несолоно хлебавши я покинула прокурорский кабинет. И только выйдя в приемную, осознала, какую сделала глупость, попершись выклянчивать дела без какой-либо подготовки. Что мне, трудно было, что ли, пойти в городскую к прокурорам-криминалистам, рассказать сказку про то, что я специализируюсь на расследовании именно таких преступлений, случайно узнала про новую серию, хочу принять ее к производству, так как все эти дела должны быть сосредоточены в одних руках и т. д., а прокурор мой, естественно, не жаждет принять все эти тома под свое крыло, поэтому посодействуйте... Наши криминалисты на это клюнут, поскольку именно они должны обеспечивать работу по серийным преступлениям. Они пролоббировали передачу всех этих дел в мои руки, а я перед своим прокурором еще скорчу недовольную рожу – мол, вот, своих дел невпроворот, так еще и это навязали...

Я пошла к себе, достала свои дела, протухшие от лежания в сейфе, швырнула их на стол и мрачно на них уставилась. По коридору прогрохотали Лешкины ботинки, потоптались около моей двери, и Горчаков засунул голову в мой кабинет.

– Сидим, булки просиживаем? – нагло спросил он. Не иначе как с происшествия, уже успел небось, несмотря на утро, или готовится отбыть на происшествие, в связи с чем все, кто не сидит в этот ранний час над кошмарным трупом, представляются ему дармоедами.

Я отвечать не стала, просто махнула рукой. Но Горчаков, к моему удивлению, проявил участие. Протиснулся весь, швырнул передо мной на стол пакет с плюшками – ага, значит, не с происшествия, а просто бегал в магазин, поскольку за полчаса, проведенные в дороге от дома до работы, успел переварить обильный завтрак, которого хватило бы среднему крестьянину на весь день в сенокосную пору. Обычно, пожирая так называемый «ланч», он оправдывается тем, что он мозг, а мозг надо питать. Если бы солитеры заводились в мозгах, я бы точно думала, что у Горчакова в голове сидит ненасытный глист.

Оценив мою расстроенную физиономию, Лешка сделал над собой невероятное усилие и нажал на кнопочку электрического чайника. Понятно, решил быть мне родной матерью.

– Ну что, не дали тебе серию? – спросил он сочувственно, налив чаю себе и мне и усевшись нога на ногу перед горой плюшек.

– А ты откуда знаешь?

– Да уж знаю. Зойка шепнула, что ты пролезла к начальнику, а зачем тебе к нему? Только дела поклянчить. А уж раз такая серия симпатичная завелась в городе, да еще и старина Синцов ее окучивает, без тебя там просто никак.

– А вот и как... – пробурчала я.

– Ничего, подожди, пока маньяк до нашего района доберется, – утешил меня Горчаков. – Клянусь у тебя на дороге не стоять, все дела твои будут.

– Вот спасибо, – огрызнулась я. – Может, мне еще в газету объявление дать? Милости просим в наш район, уважаемый маньяк?

Горчаков радостно заржал.

– А что? Старосельцев будет счастлив. Они там в своем таблоиде еще и картинку изобразят, красоток шестого размера кетчупом обольют, и мужика над ними, с зубами, как у Чикатило...

Лешка не договорил, обернувшись на звук открываемой двери. Заглянула Зоя. Совсем немного времени прошло с тех пор, как они с Горчаковым установили дипломатические отношения после бурного романа, еще более бурного разрыва и супербурного периода доказывания, как они друг другу безразличны. В тот момент, как они впервые спокойно, без членовредительства, поздоровались, придя утром на работу, вся прокуратура перевела дух и расслабилась.

– Сидите? – с абсолютно горчаковской интонацией спросила наша секретарша. – А кто на происшествие поедет?

Она посмотрела сначала на меня, потом на Лешку, подошла к столу и отщипнула от последней плюшки, еще не успевшей исчезнуть в бездонном чреве нашего Гаргантюа. Лешка шлепнул ее по руке.

– Что за происшествие? – поинтересовался он.

Зоя пожала плечами.

– Ничего особенного. Может, еще и не криминал. Коробочку нашли...

– Расчлененка, что ли? – в один голос крикнули мы с Лешкой.

Зоя поморщилась.

– Что вы орете? Неизвестно еще. Лежит коробка, пахнет. Горчаков, наверное, тебе ехать. – Она помахала перед его носом листочком бумаги с адресом места обнаружения загадочной коробки.

– Почему это мне? – удивился Горчаков.

– Ты же на колесах. А то машины нету, наша стоит, как обычно, под шефом. А рувэдэшная в ДТП попала.

– На кого наехала? – спросили мы с Лешкой. Опять в один голос.

Зоя фыркнула.

– Вы в хор, что ли, записались? Вчера с заправки выезжали, и не пропустили «жигуль» с омоновцами.

Теперь фыркнули мы, представив разборки между участниками ДТП. Наверняка вызывали руководство и решали, кто круче: наши патрульные на милицейском «козле» или омоновцы на «жигулях». А что касается нашей машины, – в принципе, после ухода любимого шефа мы уже привыкли к тому, что машина в прокуратуре для прокурора, а больше ни для кого, так что Горчаков даже не ворчал.

– Ладно, – сказал он и легко поднялся, на ходу подхватив у Зои из рук листочек с адресом.

– Лешка, выпускной-то как прошел? – запоздало крикнула я ему вслед.

В дверях он обернулся.

– А! Катька туда сходила, потом сказала: ты был прав, папа, делать там было нечего.

Мимоходом я успела поразиться тому, как Горчаков, принимая заведомо ущербные педагогические решения, умудряется только укреплять свой сомнительный педагогический авторитет. Когда он ушел собираться на происшествие, я обвела взглядом разваленные по столу дела, и в голове всплыл один лишь эпитет: «постылые». Настроения работать по ним не было никакого, в четырех стенах не сиделось. Был бы любимый шеф, он бы строго сказал, что настроения никогда не бывает и что надо просто сесть за компьютер и начать работать, и что вдохновение заводится не в душе, а в попе, имея в виду усидчивость. Но любимый шеф далеко от нас поливал грядки. Поэтому я покидала в сумку косметичку и расческу и решительно поднялась. Попытаю счастья у городских начальников. Горчакова я перехватила в коридоре.

– Леша, медик уже там?

Горчаков покачал головой.

– Еще не выехал, а что?

– Может, пока забросишь меня в городскую? Я понимаю, что не очень по пути, но ты же без медика все равно коробочку не откроешь. А?

– Вообще-то, это крюк, – почесал в затылке Леша. – Будешь должна.

– Нахал, – укорила я его. – С каких пор ты стал таким меркантильным? А если я посчитаю, сколько ты мне должен?

Но это он просто выпендривался. Естественно, он повез меня в горпрокуратуру, и по пути мы обсудили нового маньяка, выслеживающего девочек.

– Хорошо, хоть не убивает, – высказался Лешка.

– Хорошо-то хорошо... А ты представляешь, какая у девчонок психическая травма на всю жизнь останется? Про родителей я уж не говорю. Ты вот хоть на секунду представь себя...

– Замолчи! – Лешка резко повернулся ко мне, и я испугалась, что мы сейчас протараним туристический автобус, искавший место для парковки. – Даже думать про это не хочу! У меня две девки, ты что, забыла?!

– Все-все, Леша, успокойся! Я уж думала, тебя ничем не проймешь... – Я похлопала его по руке, вцепившейся в руль, и почти физически ощутила, как он выпускает пар.

– Не говори мне такого никогда. Я и так трясусь каждую минуту, пока они не дома. Я бы маньяков этих передал самими руками... Ты знаешь, Маша...

Я схватила его за руку и буквально заставила прижаться к тротуару. Машина встала и затихла. Горчаков продолжал сдавленным голосом:

– Знаешь... Мне даже ловить их не хочется. Как представлю, что они с детьми делают... А мы их потом на экспертизу, и вот вам два варианта. Либо он невменяемый совсем, и тогда его в больничку засовывают и пилюльками кормят. А там сухо, тепло и обед по расписанию. А дети замученные гниют в сырой земле, и родители их уже никогда в себя не придут. Либо его признают психически здоровым, хотя лично я никогда не видал психически здорового убийцы ребенка. Да что я тебе говорю! Сама все знаешь. Еще только начнешь его допрашивать, только в глаза посмотришь первый раз, а уже понятно: псих. Хоть он тебе и показания даст связные, и вещички с потерпевших выдаст, и замечания в протокол грамотные настроит, а все равно – псих. И ему лет восемь-девять суд выпишет, а потом он еще и по УДО³ выйдет. А как же: срок подошел, взысканий нет, в колонии три бумажки нарисуют, и – гуляй себе, Джек-Потрошитель, потроши дальше.

Лешка говорил таким голосом, что мне стало не по себе. Я вспомнила про недавний случай, когда субъект был осужден за изнасилование, отбыл две трети положенного срока, а это означало, что он уже может просить об условно-досрочном освобождении; он написал заявление, администрация колонии оформила документы, судья местный принял решение – а все в строгом соответствии с законом, – и наш герой на свободе. И сразу занялся поиском новых жертв. Итог: пять зверских убийств маленьких детей, со всем букетом сопутствующих действий. Сейчас разбираются, кто подписал ходатайство об УДО и кто из судей рассматривал материал, но даже если кого-то лишат премии, родителям этих детей легче не станет.

А Лешка – я прямо физически чувствовала, как он напряжен, да он звенел, как провод на морозе, – задуманным голосом, глядя перед собой, словно боялся посмотреть в мою сторону, выговаривал мне то, что наболело у него на душе. Надо же, а я не знала, что он так боится за своих девочек; и ведь вроде с детства их дрессирует насчет безопасного поведения, а все-таки до конца не уверен, поэтому и дергается. Нам с ним хуже всех, потому что мы, в отличие от других родителей, знаем про все то страшное, что может случиться. А потом... Я вдруг подумала, что он сейчас живет на таком градусе напряжения, потому что довольно долго был хорошим следователем, зато отвратительным мужем и никудышным отцом, а теперь наверстывает. И весь потенциал тревоги за детей, отпущенный родителям, он начал реализовывать только

---

³ Условно-досрочное освобождение.

сейчас, вот и хлебает тройную дозу. И, между прочим, я его так хорошо понимаю еще и потому, что и сама – далеко не образец родительницы. Разве только за свое чадо беспокоиться начала гораздо раньше, ровно с того момента, как он на свет появился.

– И все-таки, Маша... Я себе думать запрещаю про то, что с девчонками может что-то случиться, ты же знаешь – мысль материальна... Но тут не спал как-то на дежурстве, ворочался, чушь разная в голову лезла... Да еще съездил перед этим на сто тридцать первую⁴... Вот и представил на секунду, что какой-то подонок с Катькой или Ольгой такое... – Он зажмурился и потряс головой. Мне было ужасно его жалко сейчас. – И знаешь, что я понял? Уж если... тьфу-тьфу... случится такое... Ну, если допустить на секунду... То пусть уж лучше живы останутся. Только бы не убили.

Он сжал кулаки.

– Леша, – тихо позвала я.

Ну что у меня за судьба такая – утешать больших мальчиков? Понятно, что с Ленкой он об этом поговорить ни за что не сможет, она сразу в обморок упадет.

– Лешка, я тебя понимаю. Каждый из нас надеется, что с его ребенком этого не произойдет.

Горчаков наконец повернулся ко мне. Выражение его лица было страдальческим.

– Дай бог, – глухо сказал он; глухо, но с такой силой, что я поверила – с его девочками ничего плохого не случится, ничего хуже двойки и мелких ссор с родителями. – И вот что я тебе скажу, Маша: не хочу я их ловить. Не хочу, чтобы их судили. Мне хочется, чтобы их кто-нибудь замочил. Зверски. Так же, как они других мучили, пусть сами помучаются. Голову пусть им отрежут, что там еще? Паяльником что-нибудь прижгут...

– Ладно, – перебила я его. – Я все поняла.

И одновременно с моими словами зазвонил Лешкин телефон. Он резким движением выдернул его из кармана:

– Да!

– Алексей Евгеньевич, тебя скоро ждать? – раздался в трубке голос нашего начальника убойного отдела Кости Мигулько. У Лешки такая звучная трубка, что без всякой громкой связи слышно, кто ему звонит и зачем. – Доктор приехал уже, может, мы без тебя откроем посылочку?

– Блин, – пробормотал Лешка в сторону.

Да уж! Пока я слушала его страстный монолог, на место происшествия прибыл судебно-медицинский эксперт и теперь, наверное, рвет и мечет, не застав следователя, без которого он не имеет права притронуться к объекту осмотра. Значит, утекает зря драгоценное время.

– Сейчас буду, через пару минут. А кто приехал?

– Задов. Сам большой начальник.

– Все, ждите.

Закончив разговор, он повернулся ко мне и раскрыл было рот, но я сама предложила поехать туда, где его ждут, а до городской прокуратуры я сама доберусь. Может, меня главковский водитель туда докинёт, пока они с медиком будут осматривать содержимое коробочки. Надо было торопиться; слевой Задовым, особенно после того, как он возглавил дежурное судмедотделение, шутки были плохи. Он взял моду устраивать скандалы всякий раз, когда что-то нарушало плавное течение следственного действия. А поскольку плавного, ничем не осложненного течения следственных действий я не упомяну за все долгое время моей работы на следствии, то Задову приходилось фонтанировать перманентно. В общем-то, он был прав, на каждом втором выезде такая фигня: если не поорешь – никто тебе работу не организует, а пара часов, потраченная зря в течение дежурной смены, вполне может обернуться пятью

⁴ Ст. 131 Уголовного кодекса РФ – «Изнасилование».

часами переработки. (При этом сукин сын регулярно при всех поминает, что скандалить для обеспечения надлежащей организации работы он научился от меня! Вот нахал! Я всегда держала себя в руках! Ну разве только иногда утонченно оскорбляла нерадивых руководителей, но чтоб орать и бесноваться...)

– Вообще, ты по этим пробкам быстрее пешком доберешься, – пробормотал Лешка, разворачиваясь.

Но оказалось, что мне в этот день не суждено вообще было попасть в городскую прокуратуру. Суждено мне было очутиться вместе с Горчаковым там, где нашли предполагаемую расчлененку.

Глава 4

Начальник дежурного отделения судмедэкспертов Лева Задов, вопреки нашим опасениям, не рвал и не метал, а спокойно и с некоторым даже удовольствием пил пиво из бутылки, почему-то в резиновых перчатках. Я подумала, что он перчатки натянул, едва вылезая из машины, и только после этого удосужился спросить, а где же следователь, без которого начинать не могли. И грамотный Мигулько, основываясь на горьком опыте, во избежание скандала послал за бутылкой пива. А может быть, отдал свою.

Как бы то ни было, Задов был настроен благодушно и даже улыбнулся нам, когда мы подъехали, и спросил, кто из нас окажет ему честь писать протокол под его диктовку. Мы с Лешкой переглянулись. Мне уже не хотелось ни в какую городскую; по неистребимой следовательской привычке у меня уже чесались пальцы в предвкушении составления протокола, тем более что он обещал быть не слишком длинным.

Место обнаружения подозрительной упаковки представляло собой воплощенную мечту труженика Уголовно-процессуального кодекса: заасфальтированный пятачок посреди необъятного пустыря, украшенный большой картонной коробкой от какой-то импортной техники. Это означало минимум описаний в протоколе; фактически осмотр места сводился лишь к осмотру трупа. Никаких тебе «столов с остатками пищи» и залежей грязного белья под кроватью, каждую штуку которого нужно тщательно перетрясти в поисках следов крови или других каких-нибудь следов похуже.

Ближайшие дома располагались в полукилометре от островка асфальта; Мигулько объяснил, что островок заасфальтировали, чтобы поставить на нем мусорные пухто, но еще не успели их привезти. Кто-то же, однако, уже поспешил использовать данную территорию по назначению: утром собачники, облюбовавшие пустырь под коллективную собачью уборную, не могли сдержать своих питомцев, те, независимо от породы и размеров, рвались к одиноко стоящей на площадке для пухто картонной коробке, рычали и выли на все лады. Поскольку детективы любят все, владельцы собак единогласно постановили, что в коробке не что иное, как расчлененный труп. Прибывший по вызову участковый, даже и не обладая чутким собачьим носом, все же унюхал доносящийся из коробки характерный запах, предвещавший нашему району очередной безнадежный «глухарь». Плюс соображение о том, что обычный, некриминальный мусор, пусть даже и вонючий, утрамбованный в коробку из-под техники, вряд ли будут так тщательно уклеивать со всех сторон скотчем и переть за тридевять земель.

Принохавшись и взвесив все «за» и «против», участковый призвал на помощь убойный отдел. Те, прибыв на площадку, повели носом и послали за дежурным следователем. Короче, бабка за дедку, дедка за репку... Тут и мы приехали.

Естественно, почти все присутствующие – мы с Горчаковым, Лева Задов, участковый, оставшийся ждать развязки, криминалист с фотокамерой и кофром, постовой для порядка, и больше всех – бессменный начальник нашего убойного отдела Костя Мигулько – тихо надеялись, что в коробке окажутся, к разочарованию разве что двух собачников, набившихся в понятые, останки какого-нибудь разделанного животного – например, лося, добытого на охоте, но не довезенного в съедобном виде до родимой кухни, или свиньи, откармливавшейся на городском балконе и помершей от неизвестной болезни.

И, конечно, ключевой фигурой в распознавании останков человека либо животного являлся наш уважаемый айболит – Задов, который с большим достоинством, не торопясь допивал пиво, а мы все смотрели на него, как на пророка. Наконец он осушил последнюю каплю в сосуде, передохнул, огляделся, ища, куда бы пристроить пустую бутылку (участковый тут же ринулся и принял посуду), и мы поняли, что можно начинать.

– Ну давай уже, приступай, – кивнул ему Лешка.

И Лева приступил. К сожалению, как только разрезан был скальпелем скотч, обматывавший картон, и коробка аккуратно раскрыта, наши надежды на свинью или медведя растаяли, как дым. Конечно, это была расчлененка, классическая. Голая человеческая спина, босые ноги, которые невозможно спутать с медвежьими лапами... Распавшиеся стенки коробки изнутри были украшены, словно восточными узорами, затейливыми потеками крови. «Глухарь».

Лева, сидящий на корточках над распутившейся, подобно зловещему цветку, коробкой, поднял голову и поочередно посмотрел каждому из нас в глаза.

– Чего тут время терять? – сказал он. – Надо в морг везти и там осматривать.

Он был прав; описание обстановки заняло в протоколе три строчки, здесь оставались опера, которые готовы были стартовать на поквартирный обход ближайших домов, а полноценный осмотр содержимого коробки целесообразнее было делать в морге, положив труп не на асфальт, где каждый день гуляют собачки, а на секционный стол в специально отведенном для этого месте. Чем меньше посторонних микрочастиц окажется на трупе, тем лучше.

В специально отведенное место поехала я. Так получилось, что у Лешки вдруг нашлись какие-то неотложные дела, а мне надо было отвлечься, и лучшего места, чем морг, придумать для этого было трудно.

Только я ступила под холодные своды городского приюта мертвых, как сразу на мою душу пролилась благодать. Между прочим, все эксперты-танатологи, кого я знаю, удивительно молодо выглядят; тут явно есть какой-то фокус с энергетикой. Следователи, даже юные, еле ноги таскают, а эксперты порхают, как бабочки.

Криминалист со своей фототехникой остался на улице перед моргом – покурить. Задов отправился искать свободную секционную, чтобы там расположиться с нашей находкой. А я постояла немного в коридоре и пошла на зычный голос экспертриссы Марины Маренич, доносившийся из морговских глубин.

Возле секционной, откуда вперемежку с судебномедицинским текстом неслись замысловатые трехэтажные рулады в исполнении мелодичного женского голоса всем известной матерщинницы, кандидата медицинских наук, эксперта высшей категории Маренич, а в паузах слышался малоразборчивый писк оппонента, толпились лаборанты, эксперты и санитары общим числом около десяти. Они с интересом прислушивались к происходящему и оживленно комментировали особо удачные пассажи, которые, по цензурным соображениям, приведены быть не могут. Я вклинилась в самую гущу наблюдателей и немедленно была введена в курс дела.

– Маринка там девчонку прокуратурскую строит...

– Помнишь, она мужика вскрывала, разборки с мужем любовницы, тот его ножом в грудь и еще половой член ему отрезал...

– Потерпевшего «скорая» увезла, а член милиция изъяла, он у них три дня пролежал, а потом сюда прислали, к трупу...

– Так следачка Марине целый баул сегодня притаранила: три разных ножа, пила и рубанок, мол, скажите, чем пенис отчекрыжили!..

Тут все присутствующие покатались со смеху. Марина меж тем разорялась за закрытыми дверями:

– Блин, твою мать, я же написала: кроме того, что травмировавший предмет имел режущее лезвие, ничего определить по краю отделения тканей нельзя! Ни-че-го! А она мне мешок барахла всякого натащила! На кой, спрашивается, хрен?!

Дверь секционной распахнулась, и оттуда вылетела совсем юная девица с баулом в руках, на вид совершенная школьница, красная как рак, а в глазах блестели слезы. Явно умирая от унижения, она протиснулась сквозь толпу бездушных морговских соглядатаев, провожавших ее скабресными ухмылками, а вслед ей из секционной неся хорошо поставленный Маринин голос:

– А рубанок-то зачем приперла?! Он что, Буратино, что ли?!

Я тоже не сдержалась и рассмеялась в голос. Девочка с баулом оглянулась на меня с отчаянием во взоре и рванула по коридору так, будто за ней гнались живые мертвецы. Почему-то мне было ее совершенно не жалко. Тут из-за угла возник Лева Задов и увел меня в освобожденную секционную. Труп уже лежал на столе. Я хотела было спросить, обязательно ли мне присутствовать, но вовремя вспомнила, что предстоит осмотр, а не вскрытие, стало быть, обязательно; вздохнула и присела к подоконнику, и стала прилаживать на коленях протокол.

Коробка, освобожденная от стяжек скотча и распавшаяся четырьмя картонными лепестками, была вынута из-под трупа и бережно унесена лаборантом в сторону. Ее еще предстояло изучать по всем правилам науки криминалистики. Судя по ее размерам, она была предназначена для крупной, а значит, недешевой техники, так что будем предпринимать вояж по магазинам и проверять тех, кто в обозримом историческом прошлом такую технику покупал. Магазины, конечно, учетов данных о личности всех покупателей не ведут, но, может, на наше счастье, кто-то из покупателей расплачивался кредитной картой или оформлял доставку на конкретный адрес. И, конечно, теплится надежда на дактилоскопию; если не на картоне, то на скотче должны найтись следы рук. Разве что наш злодей в резиновых перчатках липкую ленту наклеивал.

В секционную заглянул криминалист. С лицом человека, выброшенного на Луну без скаффандра, он бочком прошел к секционному столу, сделал несколько снимков трупа с разных ракурсов, потом, стараясь не дышать, отщелкал всевозможные виды коробки внутри и снаружи и отпросился на свежий воздух. Труп выровняли на столе, и теперь уже я подошла взглянуть на то, что нам предстояло описывать. Задов тоже любовно оглядывал наш объект, собираясь с мыслями, но я уже примерно представляла, что он мне продиктует:

– Труп мужчины, нормального телосложения, удовлетворительного питания, на вид двадцати пяти – тридцати пяти лет, голова отсутствует...

Начав писать, я уже наяву услышала, как Лева диктует мне про то, что плоскость отделения головы проходит по уровню между четвертым и пятым шейными позвонками... края равномерно осадненные, кровоподтечные...

Да, голова была отделена от тела рубящим предметом, явно одним движением этого самого предмета, и по виду раны опытный глаз в травмирующем предмете без труда угадал бы топор. Края раны, как и сказал Лева, были осадненными – вряд ли топор был заточен, как дамасский клинок. На груди трупа, чуть левее срединной линии, хорошо была видна ножевая рана. Крови вокруг нее почти не было, края раны расходились, обнажая подкожную клетчатку, но несмотря на то, что ножевое ранение нанесено было в жизненно важный орган и наверняка поразило сердце, эксперты откажутся определять мне причину смерти этого неизвестного. Без головы они судебно-медицинский диагноз не поставят, мало ли какие повреждения имеет голова, отделенная от тела...

Внезапно кто-то сзади обхватил меня руками и по-совиному гукнул в ухо.

– О господи, Юра!

– Испугалась? – довольно спросил сорокасемилетний заведующий моргом; это он, словно пятиклассник, радовался, что сумел неслышно подкрасться к следователю прокуратуры и напугать его таким детским способом.

– Испугалась, – польстила я ему. Пусть человеку будет приятно.

Юра еще поулыбался мне, обняв за плечи, но глазами уже шарил по скрюченному на столе телу. Трупное окоченение, похоже, еще не разрешилось, тело никак не хотело распрямляться, согнутая спина и поджатые ноги еще хранили форму коробки. Юра снял руку с моего плеча, вытащил из кармана халата резиновые перчатки, щелкнул ими, натягивая на пальцы, и потянулся к секционному столу. Они с Задовым стали осторожно расправлять конечности мертвого субъекта и вполголоса перекидываться отрывистыми репликами:

– Больше суток, похоже.

– Да, смотри, мышцы уже подаются.

– Стаз...

– Значит, сутки?

– Я бы сказал, тридцать – тридцать шесть часов. Вот, смотри, трупные пятна бледнеют, но не исчезают.

– Пиши, Маша, трупное окоченение значительно выражено во всех обычно исследуемых группах мышц... Трупные пятна фиолетовые, разлитые, при надавливании слегка бледнеют, но не исчезают...

Ленивый Задов решил использовать меня как писаря, диктуя мне трупные явления. А ведь должен сам указать их в своей табличке, но спорить я не стала, послушно записывая все, что он мне диктовал. Было время, когда он не гнушался мне листы протокола прокладывать копиркой и скалывать их скрепочкой.

– Юра, – позвала я от своего подоконника, куда благоразумно удалилась, потому что, когда они начали ворочать труп, от него сильнее пошел запах. А они как будто его не чувствовали. В американских фильмах я видела, как агенты ФБР, придя в морг, засовывают в ноздри специальные тампоны, пропитанные особым составом, чтобы свести к минимуму обонятельный дискомфорт и не хлопнуться рядом с трупом от отвращения, а нашим – хоть бы что.

– Ну? – бросил он, не оборачиваясь.

– Юра... Скажи мне, а были в последнее время обезглавленные?

– Чего? – он покосился на меня, воздев руки в перчатках над трупом, точно дирижер, вдохновляющий оркестр.

– Были уже трупы без голов? Или головы без тел?

Юра задумался, не опуская вздетых рук.

– В прошлом году была парочка... Или, подожди... Нет, не в прошлом году, а два года тому.

– А в последнее время?

– Вроде не было. А что? Ты у областников спроси, может, в области завалились...

Он говорил рассеянно, весь уже поглощенный исследованием трупа, хоть и не был дежурным экспертом. Просто, как и я, не мог спокойно пройти мимо интересного случая.

– Температуру не мерил еще? – спросил он у Задова.

Задов сосредоточенно качнул головой. Он уже вынул из своего экспертного чемодана и положил ректальный термометр на стол рядом с телом.

– Ребята, пальцы откатаем ему? – вмешалась я из своего угла, чтобы они не забыли о насущном.

Юра ласково кивнул мне.

– Не извольте беспокоиться, в лучшем виде сделаем. Как там Евгенийчик поживает? – поинтересовался он, имея в виду Горчакова.

– Нормально. У него младшая дочка школу закончила, поступает.

– Погоди, у него ведь двое? Вторая тоже девочка?

– Старшая уже студентка.

– А твой?

– И мой тоже студент. Андрей Синцов тут на него посмотрел снизу вверх и отказался верить, что это мой маленький Гошенька, мальчик-с-пальчик.

– Да, растут дети. У тебя хоть парень, – вздохнул Юра. – А вот тут у нас что?

Это он сказал уже Задову, склонившись к трупу так низко, что мне со стороны казалось, будто он носом, и без каких-либо тампонов, водит по поверхностям тела убитого. В том, что этот человек был убит, никто из нас не сомневался. Бывают, конечно, случаи сокрытия трупа человека, умершего в результате несчастного случая или собственных неосторожных действий, но рана от ножа на груди наводила на определенные мысли. Убили, конечно, в квартире, раз не

поленились вынести труп, и убили знакомые или близкие, раз уж голова отрезана – не иначе как с целью затруднить идентификацию трупа. Кисти рук убийца не стал отчленять, и это означает, что потерпевший не имел при жизни проблем с законом. То есть запрос в Информационный центр успеха нам не принесет, разве что потом нам пригодятся пальцы, если вдруг установим место преступления, и придется привязывать потерпевшего к этому месту, доказывая, что он там бывал. Но я и не ждала, что будет легко.

Задов тоже приник носом к трупу.

– А вот это интересно, – пробормотал он. – Ну-ка, нюхни...

И они оба стали принюхиваться, а потом значительно посмотрели друг на друга и покачали головами.

– Так что там у Горчакова, говоришь? Куда девчонка поступает? – продолжил со мной общаться Щеглов, не оборачиваясь, так что можно было подумать, что это он с трупом ведет светские беседы.

– В универ. На экономический.

– Да ты что! На юрфак не пошла?

– Не-а.

– И твой тоже не на юриста учиться? Вот это да! А я-то рассчитывал еще с вашими деточками поработать. Вон, у оперов отпрыски все как один в розыск подались.

– Нет уж, нафиг, – сказала я. – Я своему ребенку добра желаю. Если бы он работал в той же прокуратуре, куда пришла в свое время я... Там был порядок. А в той лавочке, во что наши органы превратились, работать невозможно. По крайней мере, честному человеку.

– Горчаков мне то же самое пел, слово в слово, – заметил Левка, – на дежурстве в те выходные. И вообще он как-то изменился.

– Лешка сейчас, по-моему, больше думает про семью, чем про работу, – ответила я.

– Вот и правильно, – отозвался Задов, не отрываясь от наружного исследования трупа. Вообще, они со мной разговоры разговаривали, уткнувшись в тело, лежащее на столе. – Время беспокойное, чем на происшествиях сидеть, пусть лучше дочек провожает и встречает. Вон, маньяк на маньяке и маньяком погоняет. Мне Синцов тут давеча жаловался, одного возьмишь – так сразу другой, как гриб из-под земли...

– Горчаков так и думает, – успокоила я Задова. – Ты же знаешь, какие мы все сдвинутые. У нас, чуть что, в голове сразу половина Уголовного кодекса всплывает.

– Точно. А у нас – половина судебной медицины, – пробурчал Задов, отец очаровательной девочки Аси младшего школьного возраста. – Горючими не пахнет, да? Значит, паяльник.

Последнее замечание он адресовал уже не мне, а коллеге Юре Щеглову. Они снова уткнулись в живот трупу и многозначительно кивали.

– Да, признаки воздействия высокой температуры.

– Но локально.

– В области гениталий.

– Паяльник, – подтвердил Задов, и Юра Щеглов согласно кивнул.

– Еще и пытали, значит.

– Где? – вскочила я со своего места.

Эксперты посторонились, демонстрируя мне следы пыток:

– Маша, – позвал Задов, – а вот тут татуировочка на пальчиках, сведенная... Та-ак, сейчас прочитаем... Ну-ка, Юра, ты позрячее меня, посмотри.

Однако и Щеглов не смог прочитать буквы, бледными прерывистыми линиями тянувшиеся по фалангам пальцев левой руки (ну, Задов, ну, глазастик! Я бы вообще не восприняла эти еле видные штрихи непонятного цвета как сведенную татуировку).

– Не волнуйся, Маша, мы ручки отчленим, сфотографируем, увеличим, так что, может, и прочитаем, – утешил меня Щеглов. – Дай нам пару деньков, а?

Я только вздохнула. А что мне остается – только ждать. Ждать, пока эксперты прочитают татуировку и определятся с причиной смерти, ждать, пока оперативники закончат рыскать по району и подтянут местную агентуру от забегаловок под общим кодовым названием «Мутный глаз»... Кстати, такая пивнуха реально существовала в Кировском районе, и я туда как-то выезжала по дежурству; не знаю, существует ли она еще. Если нет, то местный уголовный розыск должен повесить мемориальную доску на дом, в котором она располагалась и где много лет отравляла жизнь приличным людям, имевшим несчастье жить по соседству. Просто после каждого мало-мальски серьезного преступления в районе пути-дорожки оперов вели в «Мутный глаз», где грабители пропивали награбленное, пьяные душегубы заливали тошнотворным пойлом саднившую совесть, и более того, архив убойного отдела хранит несколько случаев, когда нуждавшиеся в услугах наемных убийц заказчики переходного периода находили исполнителей именно там, среди постоянного контингента пивной.

Как только Задов продиктовал мне про светлые пушковые волосы, покрывавшие тело, и светлые же волосы в подмышечных впадинах (волосы в области гениталий были сожжены), у меня мелькнула мысль о Скромнике: блондин, высокий, лет двадцати пяти... Чем черт не шутит? Мелькнула, но тут же ушла: ну где маньяк, нападавший на школьниц, и где наш обезглавленный труп? Какая связь?

Связь не замедлила появиться в дверях секционной, слегка запыхавшись.

– Привет, Андрюха! – поднял на него глаза Лева Задов. – Ты чего примчался? На этого всадника без головы, что ли?

– Ну да. Я как узнал... Мало ли, вдруг, надо проверить... Я, правда, думал, что Горчаков... Позвонил ему, ну, он и сказал, что вы сюда поехали.

– Ну, сегодня прямо аншлаг в нашем анатомическом театре, – хмыкнул Щеглов. – Не верь ему, Маша, это он ради тебя примчался. Между прочим, у меня есть варенье из инжира, мама прислала, и домашнее смородиновое вино. Закругляйтесь, и ко мне. Пойду пока поруководжу танатологическим отделением.

Он с треском сорвал с себя перчатки, кинул под стол и, помахав нам всем ручкой, отбыл, поскольку в секционной стало действительно тесновато.

– Осмотрели? А нет ли у него на пальцах левой руки сведенной татуировочки? – спросил Синцов, переведя дыхание.

Мы с Задовым застыли – я над протоколом, он над трупом, и уставились на него.

– Откуда?... – выговорила я.

– Не твой ли это знакомый, Андрюха? – хмыкнул эксперт Задов.

Я тут же подумала – не знаю, как насчет Андрея, но если этот наш безголовый блондин – действительно искомый маньяк, то Горчаков как-то подозрительно попал в точку, пожелав, чтобы всем маньякам отрезали головы и пытали паяльником. Надеюсь, что это не он приговорил данного блондина без суда и следствия. Тьфу, ерунда какая в голову лезет... Я подавила в себе желание немедленно позвонить Горчакову и поехидничать о том, что кто-то уже расправляется с маньяками в аккурат по его, Горчакова, схеме, и спросить, не делился ли он уже с кем-нибудь такими свежими мыслями, как со мной сегодня по пути на происшествие. Нет, сначала надо убедиться, что наш покойник и впрямь маньяк.

Глава 5

Уже после осмотра, собравшись в кабинетике Юры Щеглова за вареньем из инжира и смородиновым вином, мы бурно обсуждали покойника без головы. На огонек подтянулись Марина Маренич и мой муж, эксперт Стеценко, оба с бумагами в руках. Синцов был уверен, что наш труп – не кто иной, как тот самый блондин, терроризировавший половину районов города нападениями на школьников.

– Одна из потерпевших у него на пальцах видела какую-то синеву, – настаивал он. – Девочка сказала, что у него пальцы шариковой пастой испачканы, как будто он на тыльной стороне себе что-то рисовал, а потом смыл. У них мальчишки в школе так себя разрисовывают, а смывается паста тяжело.

– Слушай, а может, и правда, паста? – забеспокоилась я про труп.

Задов понял.

– Я один палец ему спиртом протирал, это не паста. Точно, сведенная татуировка.

– Ну да, девчонка про татуировки не подумала, – сказал Щеглов. – Небось из приличной семьи?

– В общем, да, – задумчиво подтвердил Андрей. – Художественная школа, иностранный язык, и не знает, что такое Дом-2.

– Ничего себе! – восхитился Задов. – Такое возможно? Моя Аська и то знает, все тетрадки этими рожами обклеены. А про то, что Земля круглая, ей известно?

– И в школе ее не просветили? – вмешался Щеглов.

– Да что вы пристали? В общем, биологический материал там изъят, проведем генетику, и если все в цвет, привяжем его к серии.

– Подожди ты с генетикой, – отмахнулся Юра. – Сначала на биологию отдай. Если группа пойдет, тогда и генетику назначишь.

– Он – не выделитель, – тихо заметил доктор Стеценко.

Щеглов на него удивленно посмотрел.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я про того маньяка, а не про ваш сегодняшний труп, – пояснил мой муж. – У него в выделениях антигенов нету, по крайней мере биологи в сперме антигенов не нашли.

Щеглов присвистнул.

– Елки зеленые! Значит, только генетика... – И с сожалением глядя на Синцова, покачал головой. – Но предупреждаю, прокуратура опять упрется, оплачивать не будет. Генетика дорогая.

– Сам оплачу, – запальчиво бросил Синцов.

– А от тебя не возьмут.

– И что теперь? На помойку выкинуть биообъекты? – вскинулся Андрей. Ему срочно налили смородинового вина.

– Андрюша, подожди ты горячиться. – Я положила ему руку на плечо. – Попробуй предъявить труп той потерпевшей, которая заметила буквы у него на руке. Может, она руку опознает?

– Да уж, конечно, предъявить надо. Девчонку только жалко. И так она натерпелась. А тут я ее еще в морг поташу, на мертвечину смотреть.

– А может, увидит она его в морге, ей и полегчает, – высказался Щеглов. – Мне наш гинеколог, Дима Кузовлев, рассказывал, что многие дети, которые пережили такое же насилие, еще долго боятся, что негодяй снова придет. А вот твоя потерпевшая посмотрит на мертвяка, и успокоится, поверит, что он не придет больше никогда.

Синцов с надеждой посмотрел на него.

– Может, ты и прав. Тогда одна проблема осталась: как следователя сюда на опознание заманить.

– Ага. На опознание и на вскрытие их калачом не заманишь, – поддакнула Марина. – А как с ерундой какой припереться, они тут как тут.

Все, кроме Синцова, который один был не в курсе, дружно хрюкнули, вспомнив давешнюю девушку с рубанком.

– Марин, ну что ты на девчонку накинулась, – укорил эксперттриссу Маренич ее начальник Щеглов. – Она как лучше хотела, вон, сама к тебе приехала, не поленилась. Подумаешь, рубанок привезла! Нет, чтоб ей спокойно объяснить, какая она дура, а ты ругаться начала. Нехорошо.

– Нехорошо?! – взвилась Марина. – Я с вас фигею! Мне работать надо, а она меня на весь день из колеи выбила! Их что, теперь в прокуратуру берут только со справкой из дурдома? Одна рубанок приперла, второй хорошо хоть сам не приехал, конвертик прислал!

– Что за конвертик? – заинтересовалась я.

– Принесли конвертик с постановлением. Сюрприз! Открываю – там зуб лежит.

– Ну?

– Что – «ну»? В постановлении вопросы...

– Про то, чей зуб?

– Если бы. Наверное, долго мудрец прокуратурский сидел, формулировал. «Является ли предмет, похожий на зуб, зубом и принадлежит ли он потерпевшему». А? Каково? Они там на месте происшествия нашли зуб, изъяли. Долго думали, кого бы им озадачить, и нашли крайнюю.

– А ты им напиши, что предмет, похожий на зуб, похож на зуб, – с серьезным видом посоветовал мой муж. Марина шлепнула его постановлением по затылку.

– Да что они, сами не видят, что это зуб?! Нет, уволюсь я! – Марина в сердцах нервно хлебнула смородинового вина. По-моему, Юрка его держит в качестве антидепрессанта и потихоньку подсаживает на него особо нервных сотрудников.

– А что там за дело? – заинтересовалась я. – Может, этот зуб имеет ключевое значение. Укажет на преступника.

– Ой! Слова-то какие! «Укажет на преступника»! Да там убийство в пьяной драке. Злодей в признании. Взяли его на месте, сидит и охотно дает показания. Между прочим, говорит, что потерпевший ему зуб выбил. Сто человек свидетелей.

– И что, зуба нету?

– Задов, это ты ведь его смотрел? – повернулась Марина к Леве, меланхолично следившему за нашей беседой.

– Ну, – ответил Задов.

– У него действительно зуб отсутствовал?

– Ну, – словоохотливо пояснил Лева.

– А ты в экспертизе это написал? – не отставала Марина.

Задов огрызнулся:

– А ты что, думаешь, что я скрыл сей грандиозный факт? Написал и отметил наличие во рту злодея кровоточащей ранки на месте правого верхнего резца.

– Ну, и чего им еще, какого рожна? – повернулась она ко мне. – И ведь, заметь, при таких показаниях они не ставят вопрос, а не принадлежит ли этот резец подозреваемому. Это их не интересует!

– А у меня все равно круче, – похвастался Сашка. – Юра, скажи.

– Ты про черепушки? – хмыкнул Юра Щеглов и отодвинул занавеску, открыв нашим взорам широкий подоконник, на котором рядком стояли головы. Ну, не совсем уже головы, а черепа, один другого краше: первый – целехонький, хоть сейчас в музей, отлично вываренный

препарат, уж теперь, после стольких лет совместной жизни с экспертом-танатологом, я в этом разбираюсь. Второй поплюгавее, без нижней челюсти и, в отличие от первого, какой-то желтовато-бурий. Рядом – третий, с явным следом анатомического распила. И, наконец, гордость коллекции: покоцанный черепок, украшенный густо наклеенными на поверхность пайетками. Ну и для гармонии – парочка серых трухлявых костей, похоже, берцовых. Дивный натюрморт, отвечающий глубинной этимологической сути данного термина, хоть рисуй. Я не могла отвести глаз от черепа с пайетками.

– Господи, кто это его так?

– Да кто ж его знает! Из подвала какого-то привезли, бомжи где-то раскопали и в подвал натащили. Может, в каком учебном заведении сперли. А может, в ночном клубе, знаешь, как сейчас дизайнеры изощряются? Но дело-то не в этом.

– А в чем?

– Вот. – Юра порылся в бумагах у себя на столе. – Расписал я, Маша, эти кости твоему мужу, а он мне скандал устроил.

– Саша! – Я обернулась к Стеценко. – Почему ты скандал устроил? Видишь, мне твое начальство жалуется.

– А ты постановление почитай, – со смехом ответил мне муж. – Я не знаю, как на эти вопросы отвечать. Пусть мне старшие товарищи расскажут.

– А старшие товарищи тоже не знают, как ответить, чтоб не обидеть, – заметил Щеглов. – Пьяными вы, что ли, нам постановления пишете?

– А ты Машу не обижай, – встряла Маренич, – она ерунду всякую только на первом году писала.

– Уж прямо и ерунду! – обиделась я. – Дай постановление.

Я забрала у Юры постановление по четырем найденным черепам и своими глазами прочитала гениальный вопрос: «Принадлежат ли обнаруженные кости одному лицу (лицам)?»

– Да, – согласилась я, отдавая бумагу мужу, – прямо и не знаю, что сказать. Мне бы до такой ерунды и не додуматься было, даже на первом году работы. Сашка, ты прав, не бери такие экспертизы.

– А то, может, комиссию собрать? – со смехом предложил Стеценко. – Обсудим, могут ли четыре черепа принадлежать одному лицу.

– Лицам! – поправил Щеглов, отобрал постановление и сердито спрятал в стол.

Мы хихикали, и только Синцов был мрачен и погружен в свои мысли. Но вот графинчик с вином опустел, Щеглов повернул ключ в двери, отперев ее, и в кабинет к нему потянулись сотрудники с бумагами, с препаратами, да просто с вопросами и претензиями, и мы поняли, что надо прощаться.

Выйдя из морга вместе с Синцовым и криминалистом, я направилась было к машине ГУВД, но Синцов придержал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.